

Искорка 3

МАРТ • 1978

год издания XXII

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
писательской
организации
имени
В.И.Ленина

Рис. Е. Галеркиной

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

РУЧЕЁК

Невелик ручеёк,
Но с зимою сладить
смог!
Это он из-подо льда

Брызнул синькой —
И айда!
Всем снегам
наперекор,
Через рощу —

На простор,
Поскакал по целине,
В гости
К песенной весне!

Лидия ПОТАПОВА

ИЗ ВЫСКАТКИ

Любая жизнь — путешествие, даже если при этом ты никогда не покидал родных мест. И вспоминаются житейские пути-дороги так же, как далёкие поездки: приходят на память события, встречи, люди.

Её назначили директором школы в Заовражье. Директором школы, представляете?! И пусть школа крохотная — начальная, всего два учителя, кроме неё... А всего несколько лет назад — ей тогда и двадцати не было, приехала Аня Лисакова после учёбы в педагогическом училище в родное село. Вот она передо мной — фотография тех лет. Смешная девочка с косичками. Косички тоненькие, тряпочки вместо лент вплетены. Такой она впервые вошла в свой класс. Сказала: «Здравствуйте, ребята!» — а у самой ладони от страха вспотели. «Ох, заклюют они меня сейчас...»

Она вытянулась, чуть ли не на дыпочки встала, раскрыла журнал, переключку звонким голосом начала — ребят словно подбрасывало, так из-за парты выскакивали... И откуда-то шепот: «Голосистая! С этой не поспоришь...»

Вскоре в деревне Выскатка матери учеников стали уважительно называть её Анной Николаевной. О ребятах и говорить нечего. Домой провозжали, нехитрыми секретами де-

лились, отвечать на уроках старались, подражая ей, звонко, чётко.

Сидит Анна Николаевна после уроков в своём классе. Смотрит на парты. Никого за ними нет, а ей кажется — ребята за партами сидят. Маленькие ребята — первый класс — трудно с ними серьёзный разговор вести. Убедить только одним можно — интересными уроками. Вот и придумывала игры — считалки. Кто в счёте побойчее — первым выходит. Остальные за ним тянуться начинают. Книги в класс приносила. Читает вслух, видит, ребята замерли, внимательно слушают. А она возьми да на самом захватывающем месте и прерви чтение.

— Анна Николаевна, Анна Николаевна, а что дальше было? — ребята кричат.

— Устала я вам читать. Может, кто другой меня сменит, а?

— Так мы ещё не умеем...

А самим так хочется на место учительницы сесть, буквы быстро-быстро в слова складывать. Ведь книг хороших много, а если ждать, когда их учительница тебе прочтёт, всё равно не дождёшься. И старались, и делали, как учительница наказывает, а четверть закончилась, глядишь, в классе ни одного отстающего.

Наступила весна 1941 года. Распустила ребят Анна Николаевна на

Рисунки Л. Московского

В В Ы С К А Т К У

каникулы. Радостная была у неё весна. Хорошего парня учительница полюбила. В деревнях, как правило, свадьбы осенью справляют. Но не вышло свадьбы. Война... В день, когда враг подошёл к самой деревне, председатель Новосельского поселкового Совета Сергей Андреевич Сергеев сказал Анне:

— Мы уйдём в лес. А ты здесь останешься, для связи.

Бегом домой, к родителям: «Остаёмся». А в ответ: «Да как же? Да тебя на первой же осине!» Она молчала. Не имела права сказать, что это её боевое комсомольское задание.

Шёл август 1941 года. «Людам в лесу еда нужна, — беспокоилась Анна Николаевна, — да и зима скоро, а у них тёплой одежды нет». Вот и задача номер один — обеспечить партизан и тем и другим. Но где взять? Все ли захотят поделиться последним, когда сами живут впроголодь и одежды нигде не купишь. Впервые она так напряжённо перебирала в уме каждого из односельчан. Да, она живёт в своей деревне сызмальства. Но одно дело поздороваться с человеком у колодца, забежать в хату соли или спичек попросить, а совсем другое прийти к нему за помощью, за которую грозит виселица. На то ты и секретарь комсомольской организации, на то и

учительница, чтобы знать, на кого положиться можно. И она нашла таких. Еда, одежда, сведения о враге пошли к партизанам.

И вся-то дорога — из одного конца деревни в другой. Зайти в дом, поздороваться, взять то, что для тебя люди приготовили, сказать: «Спасибо, до свиданья» — и до дому. А если не идти приходится, а ползти, и каждое яйцо, каждая капля молока для тех, кто в лесу, дороже золота? Да, коротка дорога — из одного конца деревни в другой, а цена за неё — жизнь.

И свистеть выучилась Анна Николаевна, и по-кошачьи мяукать, и птицам подражать — сигналы-то подавать надо. С подружкой Дусей Прокофьевой они в деревне действовали. Она охраняет, Дуся тащит, Дуся сторожит — Анна Николаевна за носильщика. Под самым носом у фашистов работали. Придут домой, в сених останутся, друг на друга смотрят и слова не вымолвить — дыхания не хватает. От партизан приходил связной — Коля Суворов. Дня не назначал, времени тоже. Жди и будь наготове.

Не только связной у партизан была Анна. В страшные годы оккупации, под носом у фашистов, она тайком продолжала учительствовать. Учила ребят грамоте и счёту, учила их быть советскими людьми.

Тяжёлым испытанием была для Анны Николаевны Лисаковой Великая Отечественная война. И ещё не закончилась она, а подарила Лисаковой судьба незабываемо радостную дорогу. Второго февраля 1944 года Сланцевский район был полностью освобождён. Через месяц Анну Николаевну вызвали в Ленинград — для вручения первой правительственной награды — ордена «Знак Почёта».

Впервые Анна Николаевна увидела город таким. Город-фронт, город-боец, город-победитель. А потом небольшая комната, и люди один за другим подходившие к столу президиума, и чьи-то тёплые слова...

«Да за что, за что такая мне честь?» — хотелось ей крикнуть. Сказала коротко:

— Считаю, должна за эту награду уже в мирные дни отработать то, что было недоделано из-за войны.

Ехала обратно, а мысль стучала, стучала... «Здравствуй, новая жизнь! Здравствуй, мирный труд!» И он начался. Пятнадцатого марта — через полтора месяца после освобождения, была открыта Великосельская школа, и снова Анна Николаевна работает учительницей.

— Пришло ко мне в класс сорок три мальчика и девочки, — вспоминает она, — и наши, и эвакуированные. Еле-еле разместились: школа маленькая была, тесная. Учебников не было, тетрадей не было, ручек не было. Писали на газетах — между строк, на всяких обрывках бумаги. Уроки готовили по записям, которые в классе делали. Уставали ребята. Представьте сами: как новый материал, я им всё подряд диктую. Пишут, пишут, перья на плохой бумаге скрипят, но никто не жаловался. Знали — одну коробку перьев мне на весь учебный год для каждого класса дали. Это себе и представить сейчас невозможно. И всё-таки как хорошо ребята учились! Старались необыкновенно.

Особенно худо было с питанием. Во время войны наши поля бурьяном и кустарником заросли. Никто на них не сеял, не пахал. Каждый

старался лишь крошечный участок обработать — для пропитания собственной семьи. Конечно, как только фашистов отогнали, начали мы своё хозяйство восстанавливать. Но весной урожая не бывает, жди осени. Голодали ребята, но никто из-за этого не ожесточился. Помню, приходит однажды в класс Толя Сальников и говорит:

— А я сегодня хлеб в школу принёс.

И вынимает хлеб, целую половину каравая, в русской печи испечённого. Роздал всем по крохотному кусочку, сидит и радуется.

Как ни любила Анна Николаевна свою работу, а в августе 1968 года пришлось ей со школой расстаться. Вызвали коммунистку Лисакову в Сланцевский городской комитет КПСС и попросили возглавить профсоюзную работу. Она согласилась, но к новой должности и привыкнуть не успела. Коммунисты её родного совхоза «Аврора» выбрали её секретарём своей партийной организации. Было это в апреле 1969 года, и вот этой дорогой, дорогой партийного работника, Анна Николаевна идёт до сегодняшнего дня.

Лёгкая, пожалуй, теперь у неё дорога. Всё со стороны лёгким кажется, если дело своё человек с душой делает и успехи налицо. А к примеру, просто ли было организовать в совхозе соревнования? Есть у совхоза план работы на год. Разбит на меньшие планы — для каждой бригады в отдельности. А уже внутри бригады каждый рабочий совхоза своё задание получает. Но коммунист, секретарь партийной организации Анна Николаевна Лисакова на то и выбрана, чтобы вперёд заглядывать и другим помогать к новым достижениям стремиться.

— Давайте посчитаем, — предлагает Анна Николаевна. — Может, не всё мы учли? Возьмём, к примеру, посевную. Одно дело — её на два месяца растянуть, другое — за месяц провести.

Все это, конечно, понимают. Но чтобы быстро отсеяться, в две смены работать надо. От зари до зари.

А на хороших, ровных землях и ночью можно — с зажжёнными фарами. Но готовиться к этому ещё с осени надо. Вовремя удобрения на поля вывезти, все тракторы отремонтировать. И так подобрать людей, чтобы они друг друга в любой момент подменить смогли. Анна Николаевна организовала наставничество. Опытные трактористы молодым учили. Потом учителя на пару с учеником и работали. И если промашку замечали, то сами и исправляли. Хорошо работается, когда твой труд всегда на виду. Приехал ты с поля, на доске соревнования уже итоги вывешены. Кто на первом месте — видать, кто в хвосте плетётся — не угаено. Лучшим — вымпел прямо на поле вручается, худшим... Надо людям объяснить, почему одни вперёд вышли, а другие — отстают.

С главным инженером совхоза побеседует — ему разбор поручит, с лучшими механизаторами потолкует — их попросит опытом поделиться. И глядишь, получается, люди в дружный коллектив организуются. Не только в дружный, в передовой. А как же иначе? Все они её бывшие ученики. В правду её слов и дел с самого детства верить привыкли.

За воспитание трудового коллектива Анну Николаевну Лисакову первой среди женщин Сланцевского района наградили орденом Октябрьской Революции. И опять она считала: наградили её авансом. Мало она ещё сделала, больше бы надо.

У каждого человека есть мечты. Были они и у Анны Николаевны.

Хотелось ей, чтобы родное село сравнялось с городом, чтобы люди деревни в удобных домах жили, в просторных, благоустроенных квартирах. Что ж, эта мечта Анны Николаевны исполнилась. Не только многоэтажными жилыми домами гордится её совхоз, но и новым Домом культуры. Не чета он старой церкви, в которой когда-то выступала комсомолка Анна Лисакова.

Помнит она, как по всей деревне бежали мальчишки, дивились на почтальона, развезжавшего на велосипеде.

— Самой сейчас вспоминать смешно, — улыбается она. — Теперь почти у всех наших ребятишек mopеды. Ну, а люди постарше, особенно механизаторы, те автомашинами обзавелись. Разбогател у нас народ. И «Запорожец» им уже маловат. Всей-то семьей, а они у нас большие, в этой машине не разместиться.

Любая жизнь — путешествие, даже если при этом ты не покидал родных мест. Анна Николаевна считает: «Если бы можно всё снова начать, я бы опять либо в школе преподавала, либо в совхоз на партийную работу пошла. Эта моя работа — продолжение той, что и в школе делала. И там, и тут с людьми... А трудно бывало, так это всё не напрасно — вон как теперь наше село живёт!»

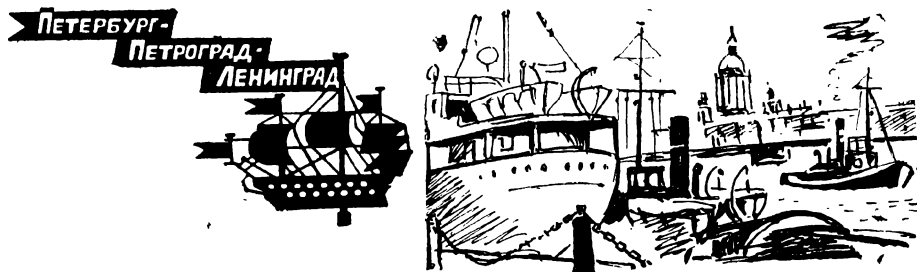
Снова смотрю на фотографии этой женщины. Сороковых, пятидесятых, шестидесятых годов, последних лет. Каждый снимок — как славная веха на большом, светлом пути.

А. МАТЮНИН

О Т Е Ц

Заглянул на минутку —
проститься:
— Ну, покуда бывайте... Война!
До сих пор он таким вот
и снится —
Над собою поднявшим меня.

Василий ОСТРОВСКИЙ

Рисунки В. Адаева

ГОЛУБАЯ УЛИЦА

Проспектов, набережных, бульваров, улиц в Ленинграде много: к двум тысячам счёт идёт. Что ни год — новые прибавляются. Растёт город! Есть в нём тихие улочки, есть и главные магистрали. А какая — самая главная?

Тут и думать нечего — Нева!

К ней, от неё, вдоль неё все остальные улицы бегут. Мосты над нею гудят от сотен колёс, поезда метро под нею по рельсам бегут. Да и по возрасту Нева всех остальных бульваров, проспектов, каналов старше: учёные говорят, что ей 2400 лет!

Нева!.. Голубая улица нашего города!.. На 74 километра протянулась она от одной площади до другой. Одна площадь зовётся Ладожским озером, другая — Балтийским морем.

Ладога — Неве мать. Ничего она для своей дочки не жалеет: ни волн голубых, ни ярких огней маячных. Даже имя своё — и то дочке отдала.

В древности носила она имя «Нево». Селились на берегах озера люди, строили деревни, посады. Где-то в VII—VIII веках выросло неподалёку от устья реки Волхова и поселение Ладога. Крепостными стенами защищало оно великий путь «из варяг в греки». Ещё и сейчас поблизости от руин крепости можно увидеть большой холм, именуемый «Олеговой могилой». Древние летописи с преданиями не расходятся, подтверждают: «Иде Олег к Новгороду и оттуда в Ладогу... и уклуне его змя в ногу и умре, есть могила его в Ладоге...»

Теперь уже и не установить, когда именно озеро стало именоваться Ладожским, а древнее имя своё «Нево» — дочке подарило, реке Неве.

Широка ли главная голубая магистраль Ленинграда? Судите сами: в устье, у невских ворот, на 1250 метров синяя гладь распахнута. Да и самое узкое место, что у Невских порогов, не так уж узко: в 210 метров шириной. И глубина в реке подходящая чаще всего — 8—11 метров. У правого же берега, возле Арсенальной улицы, и до 25 метров доходит. Полноводна река Нева! И неудивительно: в бассейне её насчитывается около 50 тысяч озёр и 60 тысяч рек.

Двумя рукавами вытекает Нева из Ладоги, омывая небольшой остров Орехов. В далёком 1323 году новгородский князь Юрий Данилович построил здесь крепость Орешек. Не раз выдерживала она осады шведских войск, но в 1611 году враги всё же овладели крепостью.

«Орех-город» переименовался в «Нотебург». Царю Петру I пришлось его обратно отвоёвывать.

Победа далась не легко. Через леса и болота по спешно вырубленной «осударевой дороге» тащили к Ладоге два построенных в Архангельске корабля, по непролазным топям вёл царь своё войско. Зато перед врагом неожиданно, как из-под земли вырос. Началась осада Нотебурга. Одних только снарядов было по старой крепости выпущено 15 тысяч, пороху сожжено более 4 тысяч пудов. Царь потом и сам признавался: «Зело жесток сей орех был, да, слава богу, счастливо разгрызен».

Нотебург стоял у самого истока Невы, и царь справедливо считал его ключом ко всей реке. Потому и переименовал он древний Орешек в Шлиссельбург, что означало «Ключ-город».

Шли годы, и с древней Шлиссельбургской крепостью случилось то же самое, что и с Петропавловской: из боевого укрепления превратилась она в тюрьму. Долгие годы томились в её казематах борцы за свободу: декабристы И. Т. Пущин, В. К. Кюхельбекер, братья Н. и М. Бестужевы, народовольцы В. Н. Фигнер, Н. А. Морозов, М. Ф. Фроленко, выдающийся революционер Серго Орджоникидзе. В мае 1887 года за покушение на царя Александра III был казнён во дворе крепости брат В. И. Ленина Александр Ульянов.

Но, когда грянул над Родиной новый военный гром, крепость снова стала крепостью — неприступной, несокрушимой.

Шла осень 1941 года. Гитлеровские войска рвались к Ленинграду. В город их не пустили. И тогда фашисты пошли в обход, стараясь окружить Ленинград, задушить его кольцом блокады. В тяжёлых боях пала станция Мга, враги прорвались к истокам Невы, готовились с ходу овладеть и её правым берегом. Но не тут-то было!.. На пути врага встали каменные стены древнего Орешка.

Всего двести метров отделяли крепость от врага, засевшего в городе Шлиссельбурге. Бесперывно свистели пули, рвались снаряды и мины, крошили могучие каменные стены тяжёлые авиабомбы. Только 17 июня 1942 года в крепости разорвалось свыше двухсот снарядов крупного калибра. Чёрный пороховой дым мешался с красной кирпичной пылью, защитники Орешка были даже вынуждены надеть противогазы. И всё равно не пустили врага.

Крепость обороняли стойкие, мужественные и весёлые люди. Даже в самые тяжёлые минуты пошутить умели. Всем своим пушкам, к примеру, они имена дали: «Буря», «Орёл», «Чайка», «Волга»... Особенно врагу доставалось от «Дуни», бившей по фашистам прямой наводкой. Пятьсот долгих дней и ночей не затихал этот бой: до самого 12 января 1943 года, когда над освобождённым Шлиссельбургом взвился красный флаг. В тот день героический гарнизон получил письмо от воинов, освободивших город: «Вы, дорогие товарищи, заняли передовое место

в рядах бесстрашных бойцов за Ленинград. С вашей помощью враг был остановлен. Каменные стены крепости крошатся, ломаются, но вашей воли к борьбе не сломить никому».

...От Ладоги начинается свой неспешный бег Нева. Мимо берегов волны катит, под мосты ныряет. Мостов над Невой было немало. Тех, что ушли уже в былое. Одни из них на понтонах покачивались, другие по льду бежали, третьи — через огонь. Совсем недалеко от Орешка был такой мост, бежавший через огонь.

Из Шлиссельбурга фашистов выгнали. Но были они ещё близко, на Синявинских высотах, над самой Невой. И здесь, у стен Орешка, прямо на замёрзшей реке воины Ленинградского фронта совершили ещё один небывалый подвиг.

Уже на следующий день после прорыва блокады на невольный лёд грузовики притащили маленькие белые фургончики, сапёры поставили брезентовые палатки — и началось строительство железнодорожной переправы. Прямо на льду реки! Переправу так и называли: свайно-ледовой. 1300-метровой дугой должна она была соединить берега. Сроку военным строителям дали очень мало: десять суток.

А враг был в двух шагах... Фашистские артиллеристы не жалели снарядов, в морозном небе всё время висели бомбардировщики с чёрными крестами на крыльях. Переправа строилась прямо на поле битвы. И к ней уже по правому берегу реки спешила железнодорожная колея...

Строители-сапёры выиграли этот бой. 7 февраля 1943 года молодой машинист Иван Пироженко привёл к платформе Финляндского вокзала первый поезд с Большой земли!

Бежит Нева... Не просто по песчаному дну камешки перекатывает, не просто вдоль глухих берегов волны свои несёт — по местам жестоких сражений бежит. Что ни сотня метров — то бой. Едва миновав место ледовой железнодорожной переправы, встречается она с легендарной землёй, имя которой Невский «пятачок». Здесь тоже была переправа. Только без шпал, без рельсов...

В 11 часов 50 минут 12 января 1943 года с плацдарма на правом берегу ринулись здесь на врага воины Ленинграда — на прорыв блокады. Прямо по льду, перескакивая через торосы, обходя чёрные полыньи воронок, устремились на занятый врагом левый берег роты и батальоны, за ними орудия, спускались на лёд лёгкие танки. Главный удар в направлении деревни Марьино наносили солдаты 136-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. П. Симоняка — славные защитники Ханко, герои обороны Усть-Тосно. Первыми прорвали они кольцо вражеской блокады!

...Бежит река Нева, и словно часовые стоят на её берегах памятники и обелиски. На Невском «пятачке» и на развилке дорог у деревни Марьино в вечном карауле застыли на пьедесталах два танка, две славные «тридцатьчетвёрки», напоминая проплывающим по реке судам и бегущим по шоссе автомашинам: здесь была прорвана блокада.

От невольных волн поднимается по крутому левому берегу лестница. Заберись — увидишь землю, перепаханную снарядами, воронками, издолблённую, изрытую окопами и ходами сообщения. За железной оградой взметнулся вверх обелиск. С 1952 года стоит он здесь, охраняя покой героев Невского «пятачка».

Два холма возвышаются над рекою. Два памятника на них стоят. На правом берегу — «Безымянная высота», на левом — «Невский порог». Не вверх, как обычно, а поперёк, горизонтально земле легла балка «Невского порога», словно и сейчас ещё преграждает путь врагу. Чуть дальше высятся могучие балки «Ижорского тарана», не-

колебимой гранитной глыбой стоит обелиск «Штурм», возле Усть-Тосно семиметровая стела поднимает в небо орден Отечественной войны.

Издrevле на берегах Невы жили отважные люди, умевшие постоять за свою землю. Неподальку от «Ижорского тарана», там, где тихая речка Ижора вливается в Неву, строки на сером граните о другой битве память хранят: «Здесь 15 июля 1240 года произошла битва, в которой русское воинство Александра Невского наголову разбило превосходящие силы врагов, вторгшихся на территорию нашей Родины». Памятник этот воздвигнут уже в наше время, в 1958 году. А чуть дальше по течению реки стоит другой — один из старейших! — и тоже о делах воинских повествует, ибо «сооружён в память усердия села Рыбацкого крестьян, добровольно поднявших с четырёх пятого человека на службу родине во время шведской войны».

Дальше, дальше волны бегут, одна другую захлестывает. Сливаются волны. И сливается с боевой славой реки её трудовая слава. Когда со дня закладки города минуло двадцать лет, начали по левому берегу Невы дорогу прокладывать — Шлиссельбургский тракт. Дабы возить почту в град Архангельск. Неподальку от Александрo-Невской лавры заставу поставили: в полосатую будку отставного унтера посадили. Заставу назвали «Невской». Поднимет будочник выкрашенный в жёлтый с чёрным цвет цепной шлагбаум — и едет почта по землям пустынным, лишь мелькает вняк, сбегаящий к реке, да толпятся вдоль дороги ольховые кусты.

Вскоре, однако, берега заселяться начали. Из Смоленской губернии на строительство тракта крепостных пригнали, оттуда же — ямщиков, почту возить. Осели они тут Смоленской слободой (от которой позже и проспект Села Смоленского появился). Цари же русские стали раздавать земли вдоль реки своим приближённым: генерал-прокурору Румянцеву, князю Вяземскому. Первый воздвиг себе усадьбу, именуемую Мурзинкой, второй — село Александровское.

Только в недалгом времени дачам и поместьям пришлось потесниться: начали возникать на левом берегу мануфактуры, фабрики, заводы.

Царице Елизавете Петровне надоело китайский фарфор покупать — больно уж дорог! Порешила свой иметь. В ту пору на Шлиссельбургском тракте стоял уже небольшой кирпичный завод, работавший на местной глине. А вдруг из той глины и «парцелиновые» вазы получатся? Основали фарфоровый завод. Из-за границы иностранного мастера выписали. Вскорости убедились, что местная глина — не та, другую издалече возить придётся. А иностранный мастер оказался обыкновенным шарлатаном. Сменил его Д. И. Виноградов — настоящий мастер своего дела. Он ещё вместе с М. В. Ломоносовым обучался химии за границей и, вернувшись, после многочисленных опытов своего добился: получил-таки русский фарфор!

Словно брат фарфоровому, возник тут и казённый стеклыно-зеркальный завод. Чего только не выпускал он в своём Стеклянном городке! Хрусталь, зеркала! Для Эрмитажа самые большие в мире канделябры изготовил — высотой в пять метров! Для персидского хана — кровать хрустальную, девятью фонтанами окружённую! Память о том заводе и сейчас в названиях улиц живёт — Глазурной, Хрустальной, Фаянсовой, Глиняной...

В 1839 году одна петербургская газета уже писала: «Десять лет тому назад это место было пусто... Теперь... изумлённые, задерживаете вы бег ваших лошадей, чтобы успеть обозреть множество предметов человеческого ума и трудолюбия. Здесь представляется фабрика шёлковых тканей... паровая пильная мельница... фабрика хлопчатной бу-

маги... за оною вы видите огромные каменные здания жизненного нерва всех этих мануфактур — чугунолитейный Александровский завод».

Он возник на седьмой версте Шлиссельбургского тракта, этот завод. Сейчас в его музее хранится множество свидетельств удивительного мастерства александровцев: дипломы, почётные грамоты, фотографии... Но и не заходя в музей, труд этот увидеть можно. Прямо в городе, под открытым небом. Скачут над городом две колесницы: одна над аркой Главного штаба — колесница «Победы», другая над крышею Театра драмы имени А. С. Пушкина — колесница Аполлона. Обе они на бывшем Александровском чугунолитейном (ныне «Пролетарском») заводе отлиты. И знаменитая решётка Летнего сада — тоже. И металлические фигуры, украшающие Нарвские ворота. И марши железной лестницы в Зимнем дворце. Всё умели делать на этом заводе! Тяжёлые опоры для балтийских маяков и точно выверенные гири для Палаты мер и весов.

Вышел отсюда на невскую волну и маленький пароходик «Нева». Было в том судёнышке всего-то 220 тонн водоизмещения, двигатели его развивали 80 лошадиных сил — но именно «Нева» из всех русских паровых судов первой обогнула Европу и пришла в Чёрное море!

А на заводском дворе стоит памятник, мало кому известный: на гранитном постаменте — модель паровоза. Надпись гласит: «Модель первого магистрального паровоза, построенного в России в марте 1845 года умельцами бывшего Александровского завода». И первый наш железнодорожный вагон родился тоже здесь.

Бегут невские волны. Левому берегу привет шлют, правому — тоже. Там — Выборгская сторона, там — Охта. Также славные трудовые районы.

«А насупротив, на Выборгской стороне, лежит Казачья слободка, за которой вплоть до самой слободы охтинских плотников тянется Волчье поле», — сообщали первые книги о нашем городе. Худая была земля на Охте, заболоченная. Канцелярия от строений Петербурга не раз предлагала желающим купить «имеющийся на Выборгской стороне казачий огород с находящимися на нём кустами, деревьями...», да всё охотников не находилось. Купил его «тайный действительный статский советник и кавалер» Г. Н. Теплов. Землю ту «советник и кавалер» приобрёл не без умысла. В ту пору он был болен, врачи советовали ему ехать лечиться за границу. Ехать не хотелось. А тут прослышал он, что лейб-медик Арескин открыл на казачьем огороде холодный железистый источник, что водою его лечился сам Пётр I...

В 1770 году «казачий огород» исчез. На одном из участков его выросла мыза «Полюстрово» (коли перевести это латинское слово, то

получим сообщение, что вода сия выбивалась просто из болота). На правом берегу Невы Теплов построил большой каменный дом, развёл обширное садоводство, построил парники, теплицы, оранжереи. В 1775 году в Петербурге впервые сообщалось о том, что из оранжерей Теплова можно получить «в горшках в цвету двойной левкой по 50—75 копеек, да фиоли (фиалки) по 35 копеек горшок». Сын Теплова продал мызу своего отца графу Безбородко. Новому владельцу каменный дом, построенный Тепловым, оказался мал. Был приглашён архитектор Кваренги. Новый дом, который охраняют двадцать девять чугунных львов, сохранился и поныне. Некогда большой, по мнению петербуржцев, дом теперь совсем затерялся среди новых громад — корпусов заводов. Его чуть ли не прикрывает своей крышей великан — Металлический завод. Конечно, не всегда он был великаном. Начал-то в 1857 году маленькой мастерской купца Растеряева: выпускал металлическую посуду, косы, серпы, лопаты. Купца сменил банкир Мейер — сменилась и продукция. Пошли с завода мощные подъёмные краны, паровые котлы, землечерпалки, оборудование для береговой артиллерии. Руками рабочих с Металлического был построен Охтинский мост через Неву.

Ныряет под него река, дальше бежит — и словно парад принимает. По правому берегу заводы над ней, как в строю, стоят — плечом к плечу в одной шеренге: Металлический, «Красный выборжец», имени Я. М. Свердлова. Плечи у заводов широкие, руки сильные. Рядом — новые дома светлыми окнами синеву ловят.

Трудно поверить, что в конце прошлого века на всей Выборгской стороне было всего 79 каменных зданий и 2862 деревянных дома. Про Охту и говорить не приходится!.. О ней писатель Н. Г. Помяловский тогда так писал: «Почти четвертая часть домов представляет собою вид печальный: это чёрные, гнилые, рассевшиеся на двое и на трое избушки, вросшие в землю, и у тех избушек прогнили крыши, покачнулись стены, отчего и подпёрты они досками и кольями...» Не было в ту пору на Выборгской стороне ни одного театра, ни одного клуба. Царских кабаков было, правда, изрядное количество. И ещё церквей — 53.

Ничего не осталось от той Охты, от той Выборгской стороны. Ещё Сергей Миронович Киров сказал, что на сегодняшней Выборгской стороне «старыми остались только славные революционные традиции питерских рабочих, всё остальное стало новым».

Да ведь и река Нева не та уже.

Весною 1842 года тоненький, но пронзительный пароходный гудок известил жителей Санкт-Петербурга о том, что отныне по реке Неве открыто пассажирское движение. Просвистев об этом приятном событии, пароходик застучал колёсами, зашлёпал по воде шлицами и от-

правился в своё первое путешествие: от Смольной пристани в Шлиссельбург. Пароходик этот был единственным транспортным средством на всей Неве! В 9 часов утра начинал он путь к Ладоге и только поздно вечером возвращался обратно. Вот был бы удивлён капитан пароходика, встретившись вдруг в пути с сегодняшними скользящими по воде быстрокрылыми «Метеорами»!

Ведь просто поспеть туда да обратно, мог пароходик далеко не во все дни навигации. Едва наступала осень, на Смольнинской пристани появлялось объявление, сообщавшее о том, что «учредители пароходного сообщения между столицей и Шлиссельбургом честь имеют объявить, что по случаю наступления ныне тёмных вечеров пароход не может в один день совершать поездку в Шлиссельбург и обратно... а потому в чётные числа он будет отправляться из столицы, а в нечётные — из Шлиссельбурга». Забыла Нева уже о том пароходике, ныне могучие суда Волго-Балта величаво плывут по ней, останавливаются у берегов, ожидая полуночи, развода мостов.

Не нравятся Неве мосты! С давних пор норовит она снести их: волнами быки источить, льдинами сваи срезать... Только люди упрямы. Хоть и нелегко через такую широкую реку построить мост — строят.

Впрочем, первые-то мосты сама Нева наводила. Придёт зима, ударят морозы — вот и готова ледовая дорога с берега на берег. Самым первым выходил тогда на лёд царский шут — в барабан стучал! За ним следовала целая маскарадная команда. На всякий случай — с верёвками, с крючьями: вдруг не выдержит молодой ледок!.. Выдержит — значит, открыт санный путь. Ходи по нему и ездят до самой весны, куда трижды не выстрелит пушка из крепости. Выстрелила — снова нет моста!..

Однако больно уж неловко городу без мостов! Должен он был появиться когда-то первый. И появился, сначала Иоанновский через Кронверкскую протоку, а потом и через Неву. От Адмиралтейства к Васильевскому острову поперёк реки поставили барки-плашкоуты, соединили их прогонами из брёвен, сверху прикрыли досками.

Мост этот пересекал Неву как раз напротив того места, где сейчас стоит «Медный всадник». В ту пору стояла тут неподалёку деревянная церковь Исаакия Далматского. Поэтому и мост назвали Исаакиевским. За проход и проезд по нему взималась плата: с прохожего — копейка, за каждую лошадь — две, с кареты — по пятаку.

В 1786 году второй плашкоутный мост появился — Воскресенский. Реку он пересекал в том месте, где ныне выходят к ней проспект Чернышевского и Арсенальная улица. В 1818 году пересёк реку и Троицкий наплавной мост, соединил Марсово поле с Петербургской стороной. А в 1849 году пересёк Неву и четвёртый наплавной мост — Литейный.

Непоседливы были эти мосты. Исаакиевский так несколько раз с места на место переселялся. Когда в 1850 году через Неву построили первый металлический мост — Благовещенский, Исаакиевский передвинул свои плашкоуты к Стрелке Васильевского острова и стал именоваться Дворцовым. Стал металлическим Дворцовый мост — плашкоуты поехали обратно, вновь стали Исаакиевским мостом. Воскресенский мост тоже в 1803 году переехал: занял место против Летнего сада и получил новое имя — Петербургского.

По Неве волны бежали, над рекой годы, словно тучи, текли. Настал черёд и металлическим мостам. Первый из них — и первый во всей стране — появился в 1808 году на Невском проспекте, перебросил свою чугунную арку через реку Мойку. В 1842 году появилось утверждён-

ное царём «Положение о сооружении в Санкт-Петербурге постоянного моста через Неву».

Строился новый мост по проекту молодого инженера Станислава Валериановича Кербеда. Семь чугунных решётчатых ферм перекрыли реку от Благовещенской площади (ныне площадь Труда) к Васильевскому острову. Восьмой пролёт был как раз там — у правого берега. Пролёт особый — разводной. Два его крыла расходились в стороны, пропуская суда.

В конце 1860 года мост был открыт. Современники восторгались: «Любимейшая прогулка теперь — Благовещенский мост, драгоценное ожерелье красавицы Невы, верх искусства во всех отношениях!»

Но в момент открытия он был уже последним чугунным мостом России, а в 1936—1938 годах, во время реконструкции, стал первым цельносварным мостом нашей страны. Ни одной заклёпки не осталось в его конструкции! Только сварные швы. И главное — изменилось его разводное крыло. Теперь оно распахивается двумя лепестками на самой середине моста.

Наплавные мосты ещё несли над рекой свою службу, но на смену им уже шли металлические. 30 сентября 1879 года вступил в строй Литейный мост. В 1903 году легли над волнами стальные фермы Троицкого (ныне Кировского) моста. Спустя восемь лет началось движение по Большеохтинскому. В том же, 1911 году через Неву по новому мосту загромыхали колёса железнодорожных вагонов. И уже на следующий год приступили к строительству Дворцового моста.

В годы Советской власти семья невских мостов пополнилась. В 1936 году пересёк реку Володарский мост, в 1965-м — мост Александра Невского. Какой же мост через Неву самый длинный? Самый молодой мост Александра Невского. С учётом предместных пандусов он протянулся на 909 метров! Но хватит и двух минут, чтобы поднять 25-метровые крылья разводного пролёта.

И у нового Литейного моста есть свой рекорд: вес его разводного крыла — 3225 тонн! — самая большая разводная часть среди мостов земного шара. Но и это тяжеленное крыло поднимается за те же две минуты.

...Набегают невские волны на каменные быки мостов. А там, за последним мостом вырастают над волнами могучие доки и стапели судостроительных заводов. По берегам морские училища расположились. И дальше — порт. Краны, изогнув длинные железные шеи, в зеркало реки смотрятся. У причалов тесно. Со всех морей земли плывут сюда контейнеровозы, лесовозы, пассажирские суда, торговые!..

Чтобы судам в невское устье войти, люди Морской канал прокопали. Одной только земли со дна его около 9 миллионов кубометров вынули! Гору целую! От устья Невы до Кронштадта протянулся канал. Оградили его искусственными дамбами, одели в гранит и камень, оборудовали причалами, построили обширные склады. У Гутуевской гавани даже памятник поставлен был: в честь открытия «руководельного пути» к морю.

15 мая 1885 года, когда пошли по каналу первые грузовые суда, им даже все военные корабли из пушек салютовали: крейсера, клиперы, миноносцы, канонерские лодки!..

Люди для реки-труженицы своего труда тоже не жалеют. Они о реке заботятся — река о них. Сотни ленинградских улиц к Неве бегут, а она — главная голубая улица — дальше, дальше зовёт их! К заливу! К морю! А там — простор!..

Не помню, как я домчался до Галины Ивановны.

— Это моя собака! Моя Мотя! — объяснил я.

Галина Ивановна поглядела на корень и улыбнулась.

— Ребята! Ребята! — позвала она. — Поглядите на дивное! Что нашёл Саня на земле!..

Все окружили Галину Ивановну, старались поглядеть деревянную Мотью. А Мишка Фешин стоял хмурый в стороне, не подходил.

— Тебе разве не нравится? — спросила Галина Ивановна.

Мишка пожал плечами.

— Подумаешь, — сказал он. —

Собака! Вот я нашёл палицу, только она сломалась. Знаете, какая это была замечательная дубина!

И всё же назад в школу мы все шли очень довольные. «Собаку» нёс Мишка Фешин — я ему доверил, и он был, кажется, мне благодарен.

По крайней мере, он повеселел и разговорился.

— А как вы думаете, отчего сегодня лето? — спрашивал Мишка. — Сказать, Саня, сказать? — Тут же Мишка поворачивался ко мне и подмигивал.

Скрывать правду я не собирался:

— Говори, твоё дело.

— А лето оттого, Галина Ивановна, что Санин папа теперь работает в Бюро погоды и

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1.

Саня попросил его сделать жаркий день.

Галина Ивановна не поверила:

— Этого никто, Миша, сделать не может. Даже Санин папа.

Девочки загудели — они поддерживали Галину Ивановну.

— Мой папа всё может,— сказал я. Было обидно, что Галина Ивановна не верит.— Если бы он не мог — он бы сказал. Знаете, какой папа был лётчик?! Лучший в дивизии. Да он совсем ещё недавно девочку спас от неминуемой гибели!

— Спас? — услышала Люська Удалова, она всегда прислушивается к тому, что говорят вдалеке мальчишки.

— Ага.

Все сразу затихли. Я прошёл несколько шагов молча, но понял, как все ждут моего рассказа.

— Как же он спас от неминуемой? — переспросила Люська.

— Очень просто,— спокойно сказал я.— Девочка выбежала на дорогу за мячиком, а самосвал был рядом. Ему уже никак нельзя было затормозить. Гибель была неминуемая. Но папа рассчитал время. И выхватил девочку прямо из-под колеса. Это мог сделать только лётчик.

— И ты видел сам?

— Я от страха зажмурился,— сказал я честно.— А когда разожмурился, папа был уже с девочкой на руках.

Все молчали.

— Ничего себе, «просто»,— сказала Галина Ивановна.— Понимаешь ли ты, Саня, какой славный и смелый у тебя папа?

— Вот видите! — обрадовался Мишка.— А вы не верите про погоду.

ТЕПЕРЬ ПАПА каждый вечер приходил с новой работы с толстыми тетрадами и картами. Он говорил, что те, кто работает давно, быстрее справляются со своими обязанностями, а ему пока не хватает рабочего дня.

Папа расстилал карты в кабинете и наносил на овальные изогнутые линии какие-то бесконечные обозначения и цифры. Иногда папа резко отодвигал кресло, делал несколько дыхательных упражнений, тяжело вздыхал и принимался снова за дело.

— Температура на Камчатке у земли,— шептал папа, рисуя значок и цифру.— Температура на высоте,— бормотал он,— скорость ветра... Направление... Осадки...

Мама глядела на его спину через кухонное окно, в её глазах нарастала непонятная мне грусть и сожаление. «Ничего,— думал я.— Привыкнет. Синоптика — неплохое дело...»

...И всё же сегодняшним вечером многое я понял иначе. Вначале было всё, как обычно. Папа наносил у себя в кабинете среднесуточные температуры на карту, а мама, усталая после большого приёма, прилегла отдохнуть. И тут к нам в квартиру ввалился Фешин, а с ним Толик Колясин, ужасно зазнаистый парень. Я уди-

вился, конечно, потому что в обычные времена Толик нездоровался с нами.

— Познакомься, Саня,— сказал Мишка.— Это мой друг. Колясин Толик. Между прочим, из четвёртого класса.

Вошли в мою комнату. Сели. Как-то странно, но разговаривать с Толиком было не о чем.

— Ладно,— сказал Толик.— Перейдём к делу. Мы к тебе за помощью, Саня.

Я кивнул. Для Толика мне хотелось бы что-нибудь сделать.

— Завтра намечен матч «Зенит» — «Торпедо». А тут, как видишь, дожди. Необходимо помочь «Зениту». Сам понимаешь, при дожде играть трудно. Попроси папу. Мишка говорит: твой папа может...

— Может,— подтвердил я.

— Он даже девочку из-под колёс вытащил,— на всякий случай прибавил Мишка.

— Тем более,— сказал Толик.

И тут в комнату вошёл папа.

— А, Миша! — Он поздоровался с Мишкой, потом с Толиком, спросил с интересом: — У вас, вижу, секреты?

Толик взглянул на меня. Пришлось начать:

— Ребята пришли к тебе, папа. С просьбой. Не мог бы ты на завтра снова в городе сделать лето?

Папа развёл руками:

— Лето?! Нет, такое я не умею.

— Как?! — поразился Мишка.— Но однажды было...

Папа взглянул на меня:

— Не было, Миша. Этого пока никто не умеет.

Я стоял потрясённый. Мишка тоже молчал. Он был растерян.

— А я-то поверил... — с издёвкой сказал Толик. Он застегнул куртку и пошёл к двери.

А Мишка внезапно крикнул:

— Но ведь с девочкой?.. То, что вы спасли, правда?!

Я глядел на своего папу. Было страшно, что и тут он откажется от своего поступка. Папа опять поглядел на меня. В его глазах было недовольство. Но он кивнул.

— С девочкой — правда. Я действительно вынес её из-под колёс автомобиля. Только ничего особенного в этом не вижу. На моём месте так поступил бы каждый.

Он подождал, когда мальчишки ушли, и сказал мне:

— А хвастаться, Саня, не пристало мужчине. Это очень плохая черта, мой мальчик.

Потом папа опять чертил и писал в своём кабинете, а я всё думал и думал — как же так? День же был летний...

Мама звала к столу. Папа вышел хмурый. И тут мама спросила:

— Боря, я давно собираюсь... Только честно. Тебе нравится работа в Бюро погоды?

Папа взял вилку, постучал по столу, положил её и ещё постучал костяшкой пальца.

— Работа что нужно! — бодро сказал папа.— Но для бабушек-пенсионеров.

— Так,— спокойно кивнула мама,— Тогда, разреши, я ска-

жу, что тебе необходимо сделать.

Папа ждал.

— Поезжай срочно в наш военный городок. Встреться с друзьями. Поживи там недельку. Друзья, Боря, подскажут.

И тут папа поднялся. Отодвинул стул. Шагнул к маме. И крепко её поцеловал.

— Спасибо, Оля. Ты права. Я — лётчик. Ах, если бы ты знала, какие реактивные сны мне снятся!..

— Я это знаю, Боря.

Тогда папа сказал:

— А вы справитесь, если я уеду?

Было ясно, какого ответа папа ждал от нас, и я крикнул:

— Справимся, не сомневайся!

Папа так разволновался, что никак не мог больше сидеть дома. Он сложил документы в папки, свернул карты в рулоны, перевязал бечёвкой тетради с температурами за прошлое столетие, с датами бурь, наводнений, величиной суточных и месячных осадков. Потом он достал из шкафа военную форму, куртку и лётную фуражку, переделся и долго смотрел в зеркало, точно не узнавал себя.

...Такси долго не подъезжало. Мы стояли на улице при сильном ветре. Моросил дождь. Вода в Неве прибывала. Волны накатывались друг на друга, шлёпались о каменные берега.

Папа был счастлив.

— Вот удивятся, — радовался он, не замечая погоды. — Свалюсь как снег на голову.

Спасибо, Оля, что ты так меня понимаешь, я так мечтал об этой поездке, но боялся признаться... Может, мне доверят хоть на минутку штурвал...

И тут подошло такси, мы начали прощаться.

— Кажется, наводнение будет, — внезапно заметил папа и стал волноваться. — Идите домой. Как бы не заболели. Вид у тебя, Оля, очень усталый.

— Ничего, — сказала мама. — Выплюсь. Завтра суббота. А Санечка мне поможет.

Папа подал мне руку, улыбнулся:

— На тебя надеюсь. Ты единственный мужчина в доме... Бери власть в свои руки, действуй.

— Будь спокоен, — заверил я папу. — Мы с Мотей не огорчим тебя.

...Свет погас в маминой спальне. Ревела река. Ветер колотил в окна. Что-то словно бродило по крыше. Не знаю, отчего я вспомнил про Майку. Как ей в больнице? Одной. Страшно, наверное?.. Худо, когда такая погода. Я подумал, что мог бы написать стихи про наводнение, а потом их показать Майке.

...Мама так утомилась за неделю, что утром не смогла подняться.

— Попробуй справиться сам, — попросила она. — Я бы ещё полежала.

И я стал справляться. Собрал портфель, согрел чайник, выгулял Мотку. На улице было отлично. Лёгкий ветерок. Асфальт почти высох. На набе-

режной кое-где оставались мелкие лужи, похожие на заплаты. Я обдумывал план жизни. Необходимо не только заменить папу, стать главным мужчиной в доме, но и доставить радость маме. Хорошо бы наполучать пятёрки. Штук сто или двести. Только это невозможно. Тогда десяток.

Мама, кажется, не слыхала, когда я уходил в школу. В классе поговорить с Галиной Ивановной было невозможно. Я решил ждать её около учительской — там есть коридорчик. Зазвонил звонок. Дверь распахнулась, и мимо меня прошли Галина Ивановна и маленькая старушка, круглая, как пончик. Старушка не шла, а катилась.

— Галочка, — старушка схватила Галину Ивановну за локоть. — Здесь прячется человек. Не твой ли?

— Почему ты, Саня, не в классе?

— У меня к вам серьёзное дело, Галина Ивановна, — объяснил я.

— Ага, — поняла старушка. — Это тайна. — И она укатилась.

— Дело в том, — начал я сразу, — что мой папа уехал в отпуск, а меня оставил главным мужчиной в доме, велел радовать маму. Мне необходимы пятёрки.

— Пятёрки?

— Да, — подтвердил я. — Это поможет маме в ожидании папы.

— Даже не знаю, что делать, — задумалась Галина

Ивановна. — Но я же пока не ставлю отметок.

— А в долг? Зато потом, когда будете ставить, вы сможете мне не ставить. Я получил, и мне хватит.

— Я подумаю, Саня.

Никто не удивился, что я пришёл с Галиной Ивановной вместе. На уроке я очень старался. Галина Ивановна обошла колонки, меня похвалила.

— Молодец, Саня. Ты сегодня лучший из лучших.

Потом мы отвечали на разные вопросы — я первый тянул руку. К концу уроков у меня заболела спина. И когда все начали собирать портфели, я не мог пошевелиться. И тут Галина Ивановна сказала:

— Сейчас я отведу класс в раздевалку, а ты, Саня, останься.

Галина Ивановна быстро вернулась и, ничего не говоря, села за стол и взяла ручку.

— Всё же, — сказала она, — мне бы хотелось исполнить твою просьбу, тем более что ты работал отлично.

И она протянула записку.

«Дорогая Ольга Алексеевна! Ваш сын Саня сегодня отлично работал. Он замечательный мальчик, и Вы можете ему доверять любое серьёзное дело.

Ваша Галина Ивановна».

Домой я пришёл довольный. Звонил несколько раз, но мама открыла не сразу. Было слышно, как она медленно бредёт по коридору, как неторопливо щёлкает замок.

— Вот почитай! — закричал я, размахивая запиской.

Мама отошла от дверей с письмом и сразу же засмеялась. Это был смех девчонки. Майя Шистикова так смеётся, когда чем-то довольна.

— Ай да Саня! Ну и доставил ты мне радость!

— Если бы ты знала, как не-легко было получить такую записку!

— Ещё бы,— сказала мама.— Зато теперь я могу во всём на тебя положиться... Как раз, Саня, я собиралась тебя попросить кое-что сделать для дома. Надо сходить в продуктовый. Купить триста сыра, двести масла, двести фарша для Мотьки. Да, а сначала загляни в галантерейный, мне нужны зелёные пуговицы.

Мама открыла сумку, достала десять рублей одной бумажкой, поколебалась, давать или

нет, но другой, видимо, не было, и она протянула мне эту. Я хотел сказать, что она может отдыхать спокойно, но решил, что лишние слова — ни к чему.

— Мельче нет,— объяснила она.— Но тебе дадут сдачу.

Я аккуратно сложил десятку, сунул в боковой карман, подумал с сожалением, что папа в другом городе. Он остался бы мной доволен.

— Да,— вспомнила мама,— возьми Мотьку. С ней пора прогуляться.

Мотька наставила уши. Слово «гулять» она хорошо знает.

В галантерейном было полно народу. Я пригнулся, чтобы никто не задел меня локтем, и стал продвигаться к прилавку. Иногда я стучал стоящим в спину, предупреждал, чтобы

они не шевелились,— внизу я и собака. Идти с каждым шагом становилось труднее. Наконец мы остановились.

— Это замечательные чемоданы! — неожиданно сказала маленькая старушка (мы оказались с ней одного роста и могли переговариваться без всякого крика). — Во-первых, они напоминают крокодиловую кожу, а во-вторых, они очень дешёвые. Я просто не помню таких дешёвых и красивых чемоданов.

— Это вы мне говорите? — гаркнул сверху огромный уса-тый дядька. — Какой я вам мальчик?!

— Нет, нет,— заторопилась старушка. — Мальчик рядом. С собакой. Осторожно — не наступите.

— Собака — друг человека,— согласился дядька и слегка отжал очередь, дал нам с Мотькой ближе подобраться к прилавку. — Собаки всё понимают. — Он взглянул на нас и вдруг крикнул: — Так это же нашей докторши, Ольги Алексеевны, собака. Ах ты моя скорая помощь! Она спасала моего внука...

Я очень удивился,— получилось, что именно Мотька лечила больных, а не мама. Дядька, кажется, что-то напутал.

— Представляете! — кричал дядька. — Ольга Алексеевна — это удивительной души доктор. Когда мой Филя заболел воспалением среднего уха, то она глаз с его среднего уха не спускала.

Дядька хотел рассказать это всем, поворачивался то напра-

во, то налево, а мы приблизились к прилавку. Продавщица спросила:

— Какой будешь брать чемодан, мальчик? Большой или маленький? За семь двенадцать или за десять пятьдесят шесть? Которые подесять, предупреждаю, лучше.

Она уже чесала Мотьку за ухом.

— Как же тебя зовут, собачка?

— Мотя,— сообщил я и покашлял, нужно было объяснить про пуговицы.

— Хорошее имя! — Так вот,— распрямилась продавщица,— бери этот — не пожалеешь. Он вместительнее, прочнее. Мама будет довольна.

Она бросила чемодан на прилавок, стала щёлкать замками.

— Но мне нужны пуговицы. Зелёные.

— Пуговицы? — поразила продавщица. — Кто же покупает пуговицы, когда все берут чемоданы?

— Но у меня не хватит денег, мама дала всего десять...

— Пустяки! — вдруг обрадовался дядька. — Я тебе одолжу сколько хочешь. Для меня оказать услугу Ольге Алексеевне огромная радость. Бери — не стесняйся. Занесёшь в седьмую квартиру, мы же с одного дома.

И он вынул пятёрку.

— Вот видишь, — сказала продавщица. — Теперь у тебя есть и на то и на другое.

И тут кто-то как крикнет:

— А мальчик не стоял! Не давать ему чемодана.

— Стоял! Стоял! — защитил

меня дядька.— Просто мальчика не было видно. Стоял он и его собака.

— Они могут взять даже два чемодана,— подала голос старушка.

И тут очередь стала двигаться и извиваться. Мотья залаяла: на неё всё-таки наступили.

— Тихо, граждане! — прикрикнула продавщица. — Дайте мальчику выбрать. Бери этот, он не такой маркий. Теперь я туда положу пуговицы, два рубля пятьдесят копеек к той сумме. Итого тринадцать ноль шесть в кассу.

Я хотел снова посоветоваться с бабушкой и дядей, но очередь зароптала:

— Не задерживай, мальчик. Плати быстрее. Мы все после работы.

Меня подталкивали к окошку. Кассирша взяла пятнадцать рублей, нажала на кнопки, что-то защёлкало в кассе, загорелось, и выскочил чек на сумму тринадцать рублей ноль шесть копеек.

Потом посыпалась сдача.

Очередь снова понесла нас к прилавку.

— Не забудь, что внутри пуговицы! — напомнила продавщица.

— Какой хозяйственный мальчик! — пела на все голоса очередь.

И женщины начали рассказывать друг другу, какие у них неспособные дети, и если их пошлешь за кефиром, то они на сдачу обязательно купят мороженое, а вот о таком ребёнке, который думает о хозяйстве, они бы мечтали.

Наконец мы выбрались на улицу.

— Может, продать чемодан? — спрашивал я у Мотьки, но ей явно нравился запах крокодиловой кожи.

Мы удалялись от галантерейного. Впереди засветились витрины продуктового. Я уже привык к мысли, что купил чемодан. Жалко, что я не успел это сделать до отъезда папы в военный городок. Папе бы чемодан пригодился.

В гастроном мы вошли все трое: я, чемодан и Мотья. Я, конечно, подумал, что Мотью можно было привязать к чемодану и оставить у входа, но с чемоданом я был солиднее.

На оставшиеся деньги нужно было купить сыр, фарш и масло.

В кассе сидела рыжая строгая девица. Таких рыжих я больше не видел. На её носу помещалась масса веснушек.

— Вот и Мотья пришла! — воскликнула кассирша. Оказывается, она нас знала.— Что бы тебе хотелось покушать?

— Двести граммов фарша.

— Плати, Мотья, сорок копеек.

Касса щёлкнула и выдала чек.

— Ещё?

— Триста сыра.

— Подумайте, какая обжористая собака.— И кассирша нажала другие кнопки.

— Нет, сыр я покупаю для нас с мамой. И двести масла.

— Отлично! — улыбалась кассирша.— Плати два рубля две копейки.

Я пересчитал деньги — с мелочью набралось на восемь копеек меньше. Я смутился.

— Нельзя ли,— сказал я виновато,— заплатить вам пока один рубль девяносто четыре копейки, восемь я бы занёс позднее?..

Девушка глядела на меня удивлённо:

— Как же ты берёшь продукты без денег?

— Вы меня не поняли,— начал объяснять я.— Один рубль девяносто четыре копейки у меня есть, нет только восьми копеек. Мама дала десять рублей одной бумажкой, но нам попались чемоданы...

— Но магазин в долг не отпускает! Оглянись, сколько людей ты задержал!

Первый меня понял водопроводчик дядя Вася. Мы его хорошо знали. Однажды он приходил к нам перекрывать воду,

потом мы с мамой его три дня искали, пришлось ходить мыться к соседям. Он сдёрнул с головы фуражку и закричал что есть силы:

— Граждане, пособите ребёнка!

Люди защёлкали кошельками, никто не слышал, что там случилось у кассы.

— Зачем,— говорил я.— У меня есть деньги. Я же могу взять меньше фарша...

Как я не сообразил это раньше! Дядя Вася был даже расстроен. И тут кассирша, услышав мою просьбу, перебила чек на пятьдесят граммов фарша меньше.

— Тютелька в тютелку,— обрадовалась она.— Ещё получишь две копейки сдачи. На две копейки вы с Мотей сможете поговорить по телефону.

Рис. Л. Коломейцовой

(Окончание следует)

Диана УКЛЕБА

УЛЫБКА МАТЕРИ

*Первое, что увидела, что меня с миром связало, —
Это улыбка матери, склонившейся надо мной. 1
«Мама» — первое слово, которое вслух сказала:
С мамы всё начинается — даже язык родной.*

*Тонко звенели бусы, мама качала зыбку,
Мне улыбалась мама, звуки слетали с уст...
Память мне сохранила ласковую улыбку,
Только эту улыбку и звучание бус.*

Рис. Т. Ивановой

Перевели с армянского Р. МАРКОВА
и А. МОЛЧАНОВА

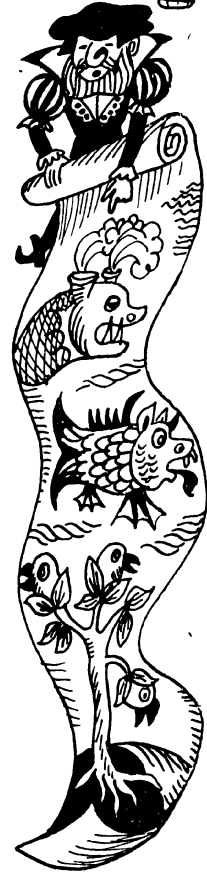

МСТИТЕЛЬНЫЙ УТКОНОС

Более двух тысяч лет назад в Греции жил великий учёный Аристотель. Его называют «отцом наук». И действительно, Аристотель заложил основы философии и логики, истории, физики и зоологии... В своей многотомной «Истории животных» он описал 454 разных животных. Почему так мало? Ведь даже в маленькой Греции животных было гораздо больше. И люди знали о них давно. Но знания отдельных людей — это ещё не наука. И первым, кто начал собирать и приводить в порядок знания, сведения о животных, был Аристотель.

Конечно, ему было очень трудно: не было печатных книг, к которым мы так привыкли, не было радио, кино, телефона... Да и планета наша была почти не исследована, многие острова и материка не открыты. Вот, допустим, вернулся какой-нибудь купец из далёкого путешествия, стал рассказывать о необыкновенном животном, которого ему довелось увидеть в чужих странах. А вдруг он, мягко говоря, слегка привирает? Как это проверить? Тут помогут свидетельства других очевидцев, помогут и какие-то более основательные доказательства, скажем, шкура неизвестного животного... Но мало доказать существование нового для науки животного, надо найти ему определённое место в списке других, уже известных науке, надо дать ему научное имя. И наконец, описать его внешний вид, строение, образ жизни. Вот только тогда животное считается открытым.

«Открывать» животных стало возможно только с появлением науки зоологии, науки о животных, «взятых со всех сторон», как очень точно сказал советский учёный Н. Н. Плавильщиков. Но когда наука уже появилась и стала набирать силу, открытия животных шли медленно. Через две тысячи лет после Аристотеля зоологи знали всего 4200 животных. Правда, потом дело пошло гораздо быстрее — к началу нашего века только насекомых было уже известно более полумиллиона, а сейчас список шестиногих обитателей нашей планеты приближается к миллиону. А большинство учёных считает, что предстоит открыть ещё столько же. Есть и такие оптимисты, которые

утверждают: не миллион, а, по крайней мере, 5—6 миллионов видов насекомых ещё не открыты. Кто прав — судить трудно, но так или иначе — ежегодно открывают тысячи новых видов шестиногих.

А как насчёт более крупных животных сейчас, когда, казалось бы, каждый уголок земли исследован? Какие могут быть открытия сейчас? Могут! Только в нашей стране за последнюю половину столетия открыто более двадцати видов грызунов, летучих мышей, землероек. Что же говорить о Южной Америке или Австралии, об Азии или Африке, где немало непроходимых лесов, болот, почти неприступных гор, пустынь...

Нет, животный мир нашей планеты ещё не изучен полностью. За последние десятилетия, к примеру, открыто несколько десятков крупных животных. В том числе и неизвестный ранее учёным вид кита. И это в XX веке! А если заглянуть в историю лет за сто назад, можно узнать о множестве удивительных открытий.

В самом конце XVIII века в Австралии было поймано очень странное животное: немного похожее на выдру, но... с утиным клювом. Европейцы, обосновавшиеся к тому времени в Австралии, ничего не могли понять и отправили шкуру животного в Англию. В Англии шкуру принялись изучать самые крупные учёные того времени. И пришли к единодушному мнению: такого животного быть не может! Ну, хорошо, а шкура-то чья? А ничья! Подделка! Увы: в те времена подобные подделки были не редкость. Ловкие жулики брали отдельные части разных животных, соединяли их и показывали за деньги на ярмарках, а то пытались продать своих чудищ учёным.

Прошло несколько лет, и в Англию были доставлены уже не шкуры, а два живых и здоровых зверя... с птичьими клювами! Учёные развели руками, но против очевидности не возразишь: пришлось признать существование этих диких животных, а стало быть, и дать им имя. Какое? Конечно, утконос — самое подходящее. Хотели было занести их в список млекопитающих, и вдруг один утконос... съёл яйцо. Так, значит, это не зверь с птичьим клювом, а птица в звериной шкуре? Ведь только птицы несут яйца. Учёные уже готовились зачислить утконосов в птицы... Но утконосы, казалось, решили отомстить маловерам, так долго не признававшим их. Выведенных из яиц детёнышей они стали кормить молоком!

Так кто же всё-таки утконос — птица или зверь? Учёные спорили об этом целых пятьдесят лет! И в конце концов решили, что утконос всё-таки зверь, правда, очень необычный. Так «открыли» утконоса — через сто лет после того, как он впервые предстал перед учёным миром. И через много-много столетий после того, как он стал известен местным жителям!

ПРЕДКИ БОГА СЕТА

Ты, может быть, знаешь, что древние египтяне поклонялись многим богам, а боги у них имели облик животных. По рисункам и скульптурам, дошедшим к нам от

древних египтян, учёные определили, каких животных почитали в Египте богами: тут были крокодилы и собаки, птицы и обезьяны. И только бога, носящего имя Сет, не могли «расшифровать» учёные — он не был похож ни на одно из известных науке животных.

Возможно, тайна бога Сета так и не была бы открыта, но вот уже в нашем веке исследователи Африки стали привозить в Европу рассказы о необыкновенном животном, которое хорошо знали местные жители. Привозили и шкуры этого животного. Шкуры — это, конечно, доказательства. Но где же сами животные? Радужные африканцы старались помочь европейцам. Но поймать таинственного незнакомца было очень трудно. Наконец это существо, которое аборигены называли «окапи», было поймано. XX век в зоологии начался с открытия удивительного животного: у него была тонкая блестящая шерсть, полосатые, как шкура зебры, ноги и маленькие рожки. Эти рожки, такие в общем неприметные, стали причиной ещё одного, не менее знаменательного открытия.

Зоологи — народ дотошный. Им мало открыть новое животное, описать его во всех подробностях. Им ещё обязательно надо выяснить родственников этого животного. Занялись выяснением родственных связей и у окапи. Внешне она немного напоминает антилопу, что-то есть у неё и от лошади, и от осла. Но у окапи вдобавок немного удлинённая шея, передние ноги выше задних. А этим она напоминает жирафа. Тем более у окапи такой же, как у жирафа, язык — длинный, округлый и синеватый. Но главное — рога! Такие рога только у жирафов. У всех животных рога — это нарост на черепной коробке. А у жирафа — они самостоятельные, могут двигаться вместе с кожей. По сути дела, это и есть утолщенные кожи. Такие рога и у окапи.

Потом учёные доказали, что окапи и жираф — не только близкая родня, но и предки у них общие. И похожи эти предки были на окапи. Почему же жираф сильно отличается от окапи? Сейчас известно, что леса появились на земле раньше, чем степи. А это, в свою очередь, значит, что и лесные животные появились раньше, чем степные. Предок окапи и жирафа жил, естественно, в лесу. Но вот постепенно стали появляться безлесные пространства. Со временем некоторые лесные животные переселились в степи и саванны. И тут они столкнулись с огромными трудностями. На открытом пространстве надо было иметь отличное зрение. Надо было уметь быстро бегать, надо было как-то доставать листву с высоких деревьев. А в лесу-то все эти качества им были не нужны. Да окраска их была тоже приспособлена только для маскировки в лесу, среди густых деревьев.

Абсолютно одинаковых живых существ не бывает. Возьмём хотя бы людей: одни выше, другие пониже, одни неплохо бегают, другие — не очень. Так было и у предков жирафа и окапи. И когда они попали в степи и саванны, самым коротконогим и короткошеим из них пришлось хуже всех: они не успевали удрать от хищни-

ков, не могли раздобыть вдоволь еды. Из-за этого и потомства у них было всё меньше и меньше. И постепенно вперёд выходили длинношеие и длинноногие. И становилось их всё больше и больше.

Проходили сотни и тысячи лет. За это время сменилось множество поколений жирафов. И в каждом поколении выживали те, кто лучше был приспособлен к новым условиям существования, то есть у кого были длинные шеи и ноги. Так постепенно появился на планете гигант жираф ростом в 5—6 метров. А те, кто остался в лесу, за эти тысячелетия так и не «выросли»: им-то это было ни к чему. Вот и осталась окапи похожей на своего предка-коротышку.

Окапи до сих пор мало изучены: на воле за ними наблюдать очень трудно, они живут в густых, малодоступных для человека лесах, очень чутки и пугливы. В зоопарках же их мало — из 850 зоопарков мира окапи живут только в 20. В нашей стране нет ни одного живого окапи. Но есть чучело этого животного в Зоологическом музее в Ленинграде.

САМЫЙ МАЛЕНЬКИЙ СЛОН

Открытие окапи наделало много шума — весь учёный мир был взволнован этим событием. И может быть поэтому другое открытие, сделанное в том же 1900 году, прошло не очень заметно. А оно тоже кое-чего стоило: учёные открыли слона!

Нет, конечно, не вообще слона — слоны были известны людям издавна, их использовали и как рабочую силу, и как «живые танки»: они принимали участие в сражениях и нередко решали исход боя. На слонов издавна охотились — ценилась «слоновая кость» — бивни слонов. И может быть, уже тогда люди замечали, что не все слоны одинаковые — среди них попадались и слоны-невелички: «нормальный» слон имеет рост в 3,5 — 3,75 метра, а эти были не больше 2,5. Какая от них польза? Мало-сильные они, да и для добытчиков слоновой кости неинтересны — у «нормального слона» бивни весят килограммов 80, а у этих — 8—15. А может быть, раньше этих слонов и не видели — ведь в отличие от своих братьев-великанов слоны-карлики живут в густых, трудно доступных для человека лесах.

Итак, в 1900 году был открыт слон-невеличка, получивший название — лесной, или круглоухий. Но очень скоро у этого слона-малышки появился соперник: в 1906 году посетители Берлинского зоопарка дивились на африканского слона-лилипута ростом меньше двух метров. Потом в Европе появилось еще несколько таких же слоников, и было доказано, что это не какие-то случайные недомержки, а особый вид лесных слонов — в два раза меньше степных.

Но не успели учёные прийти в себя от такой неожиданности, как пришло сообщение, что есть слоны еще меньше! Причём они, подобно бегемотам, живут у воды и много времени проводят в водоёмах. Капитан Франсен — исследователь Африки — слышал об этих слонах

от местных жителей, которые называли их «вака-вака». Он-то и сообщил учёным об этом. Учёным бы сразу поверить капитану, тем более они уже познакомились со слонами-карликами. Но учёные почему-то подняли Франсена на смех.

Тогда отважный бельгиец поклялся, что докажет свою правоту. Много сил и времени потратил он на поиски «вака-вака», но в конце концов нашёл водоём, где жили эти слоны. 36 часов просидел он в болоте, чтобы выследить карлика. Это не прошло ему даром: капитан серьёзно заболел и после этой экспедиции вскоре скончался. Но клятву свою он сдержал — представил доказательство существования водяного слона. Он действительно оказался самым маленьким в мире слонем — примерно полутора метров в высоту!

РОЗОВЫЙ КАРЛИК И БЕЛЫЙ ГИГАНТ

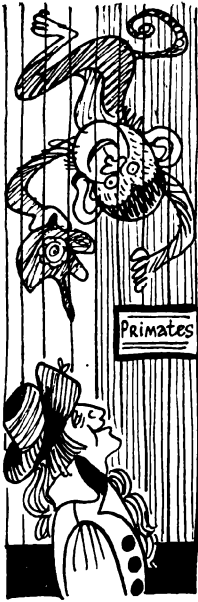
Слоны-лилипуты были открыты в общем-то случайно: их первым увидел известный немецкий путешественник и исследователь Г. Шомбургк и сообщил о них европейским учёным. А сам-то он приехал в Африку искать других карликов. Об этих животных ходило множество легенд и историй. Африканцы охотно рассказывали путешественникам о бегемоте-крошке, но ловить его наотрез отказывались. По их словам, нет на свете более свирепого, кровожадного, злобного существа. Иногда оно становится почти красным — не иначе как от крови жертв. Сколько он может высосать крови, если она аж сочится сквозь его кожу! Короче говоря, «мве-мве», или «внигбве» — так разные племена африканцев называли карликового бегемота — самый ужасный зверь в мире.

Но Шомбургк был человеком упрямым и настойчивым. День за днем, месяц за месяцем бродил он по лесам, отыскивая следы таинственного «мве-мве». Он искал его несколько лет — сезон тропических дождей прерывал поиски, но Шомбургк снова возобновлял их. Много раз видел он следы карликового бегемота, но самого этого зверя выследить не удавалось. И вдруг однажды рано утром в лагерь Шомбургка прибежал туземец. Он был так взволнован, что с трудом мог говорить. Оказывается, в ловчую яму, которую вырыл Шомбургк, попал наконец карликовый бегемот!

Шомбургк немедленно отправился к яме-ловушке. Да, это был он, «мве-мве»! Он действительно издали казался почти красным, вернее — тёмно-розовым. Но Шомбургк понимал, что дело не в крови, просто такого цвета у карликового бегемота пот. Высыхая, он придает шкуре красноватый оттенок. Но местных жителей убедить в этом было невозможно — они даже близко к яме не хотели подходить. А карликовый бегемот спокойно ел себе брошенные ему в яму корни и добродушно поглядывал на врагов.

Вскоре в ловчие ямы попало ещё пять бегемотов. Все они были весьма добродушны и принимали пищу чуть ли не из рук. Так в 1913 году были разоблачены сразу две легенды: европейцы убедились, что карликовые бегемо-

ты существуют, африканцы — что они совершенно не опасны. Сейчас в зоопарках мира живёт около сотни бегемотов-малюток.

А вот другое животное, открытое тоже сравнительно недавно, сейчас увидеть в зоопарке невозможно — единственный его представитель, живший в Парижском зоопарке, погиб во время фашистской оккупации, и даже шкура его пропала. Речь идёт о гигантском быке «коупрее». О его существовании вообще не подозревали в Европе до 1937 года, хотя местные жители прекрасно знали этих животных. К счастью, директор одного из французских зоопарков А. Уребен, путешествуя по Индокитаю, попал в гости к одному ветеринару и увидел у него в кабинете рога какого-то неизвестного животного. Местные жители подтвердили: да, это рога «коупрея» (что в переводе значит «серый бык»). Они помогли поймать одного такого быка. Он-то и погиб потом во время оккупации Парижа.

Лишь после войны было обнаружено ещё несколько таких же животных. Но по-настоящему изучить их ещё до сих пор не удалось. Они скрываются где-то в густых лесах. Возможно, на быков-гигантов охотятся, хотя официально убивать их категорически запрещено. Как спасти этих редчайших быков? Впрочем, не одни они в таком положении. Внушает серьёзные опасения и судьба гигантского белого носорога. А ведь он тоже ещё недостаточно изучен. Правда, в самом начале нашего века, в 1900 году, в Европу доставили череп гигантского носорога, который привёл учёных в недоумение. Потом было найдено ещё несколько подобных же черепов и костей. Учёный мир вынужден был признать существование гиганта, хотя никто его ещё не видел. Тем не менее он был занесён в списки живущих на земле млекопитающих, получил официальное имя. Оставалось совсем немного — поймать это животное.

На это потребовалось полвека. Лишь в 1950 году европейцы смогли увидеть носорогов-гигантов и в который раз удивиться, как ещё мало изучена наша Земля, как ещё мало знаем мы своих соседей по планете. А ведь носорог — не маленький зверёк, способный забиться в норку: высота его — около двух метров, длина — около пяти, вес — примерно две тонны, а его рог высотой в метр и шестьдесят сантиметров! И этих поистине необыкновенных животных на нашей планете осталось не более двух с половиной тысяч. Открытые в середине нашего века, доживут ли они до середины следующего?!

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ БОНОБО?

История открытия людьми обезьян — одна из самых интересных и, пожалуй, самых запутанных. В Европе люди впервые увидели обезьян только в 1792 году: во время Великой французской революции в Париже был организован первый в Европе зоопарк. Там и появилась перед глазами удивлённых парижан обезьянка.

Правда, в России обезьяна оказалась раньше — ещё в 1744 году жила в Москве, в Измайловском зверинце, и,

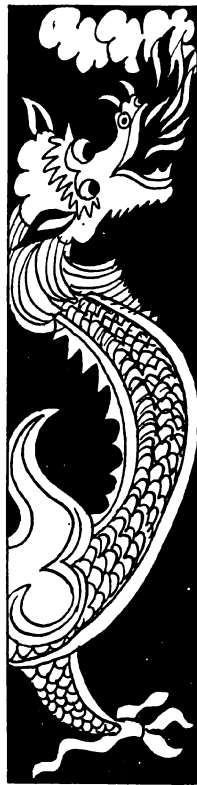
как свидетельствует документ, «кушала пшеничную муку, житные баранки и масла на 5 рублей в месяц». Но и в России, и во Франции жили так называемые низшие обезьяны. Выспих, человекообразных не было. Их европейцы впервые увидели лишь в 1830 году. Сначала орангутанга, потом — шимпанзе, и уже позднее — гориллу. И только в нашем веке был открыт ещё один новый вид горилл. И опять начались споры. «Не может такого быть! — твердили учёные-скептики. — Гориллы не живут в горах, гориллы не могут быть двухметрового роста и весить 300—350 килограммов!» Но вот ведь факт — живут такие гориллы. Существуют на нашей планете обезьяны-гиганты. И карлики тоже.

Открытие этих карликов прошло не так шумно и надолго затянулось. Первый шаг был сделан в 1929 году — тогда учёный Эрнест Шварц обнаружил в бельгийском музее скелет шимпанзе, но очень мелкий. Решил, что это карликовый шимпанзе, и «узаконил» его существование. Возможно, карликовых шимпанзе изучили бы раньше, но развязанная фашистами вторая мировая война помешала этому. В эти страшные годы людям было не до обезьян, и поэтому мало кто знал, что в зоопарке небольшого городка Халлабруннера, неподалёку от Мюнхена, живут ещё несколько карликовых шимпанзе. Это были удивительные создания. Они не только были в два раза меньше и легче обычных шимпанзе. Малыши и характер имели совершенно другой: весёлый и добродушный, почти никогда не ссорились.

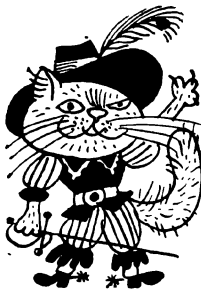
И надо же было так случиться, что именно эти мирные существа погибли в 1944 году во время налёта английской и американской авиации. И погибли не от бомбы, а от страха! Прошло десять лет. И вдруг появляется труд двух немецких учёных, доказывающий, что карликовых шимпанзе не существует! А те, кого называли карликовыми шимпанзе, на самом деле — совершенно особые обезьяны. Конголезцы называют их «бонобо».

Эти учёные очень внимательно изучили скелет обезьянок, их поведение, образ жизни и пришли к выводу: на земле существует не три человекообразные обезьяны (шимпанзе, горилла и орангутанг), как считали раньше, а четыре. Четвёртый — бонобо! Причём, как утверждают эти учёные, бонобо — самый близкий родственник человека.

Не все специалисты согласны с тем, что существует бонобо. Многие придерживаются прежней точки зрения — это карликовый шимпанзе. Но есть весьма веские доказательства обратного. Например, по строению черепа бонобо ближе к человеку, чем другие обезьяны, у бонобо — единственного из всех известных сейчас животных — красные губы (у остальных животных они чёрные), при ходьбе он, в отличие от других обезьян, выпрямляет ноги в коленях, как это делает человек. Спор о бонобо не окончен. И настоящее открытие этой обезьяны ещё впереди!

ОТКРЫТИЕ ДРАКОНА

Испокон века население Индонезийского архипелага верило в существование драконов. В местных легендах говорилось: дракон достигает десятиметровой длины и умеет изрыгать из пасти огонь. Учёные отмахивались от этих легенд: мало ли чего не порасскажут невежественные дикари! И даже когда о драконах рассказал европеец лётчик Хендрик Артур ван Боссе, совершивший вынужденную посадку на одном из островов архипелага, ему тоже не поверили: помешался-де бедняга от страха и лишений (подробно об этом рассказано в № 2 «Искорки» за 1977 год, в очерке Александра Иванченко «Полёт к динозаврам»).

Однако не все были такими скептиками. Нашёлся человек, который прислушался к легендам, поверил лётчику. Им оказался голландский натуралист П. Оуенс. Он потратил много сил и времени, чтобы доказать их существование. И доказал — драконы есть! Правда, не десятиметровые, а в три раза меньше, правда, они не изрыгают огонь — за языки пламени перепуганные люди принимали длинные ярко-красные языки драконов. Но главное, эти чудовища способны ударом хвоста свалить с ног быка. Позднее установили, что дракон острова Комодо (так его прозвали, потому что живёт он на этом острове) — гигантский варан.

Но по-настоящему комодоский варан открыт был лишь через полвека, когда на остров прибыла экспедиция учёных во главе с ленинградцем И. С. Даревским. Учёные узнали много нового о жизни гигантских варанов. Но немало осталось и загадочного. Например, имеется ли у них слух? Почему на острове не находят скелетов этих животных, куда они деваются? Когда драконы оказались на острове? И откуда взялись? А они явно пришельцы: ведь Комодо в переводе означает «Крысиный остров». Но ни одной крысы здесь нет. Уничтожить их могли только захватчики-вараны. К тому же комодоский дракон-варан — точная копия варанов, живших некогда в Австралии: это подтверждают скелеты, найденные в Австралии. Но австралийские вараны вымерли 60 миллионов лет назад, когда остров Комодо ещё не существовал: он вулканического происхождения и возник гораздо позже. Как же австралийские вараны попали на Комодо? Вплыв? Невероятно... И ещё сотни вопросов «задал» дракон острова Комодо. Так что он хоть и открыт, но открытый обещает немало.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ РОДСТВЕННИКОВ ЛЬВА И ОДНА КОШКА

Специалисты считают, что в мире имеется более полу-миллиарда кошек. Но точной цифры никто не знает, как вообще не знают люди очень многого о кошках. Считается, что родина наших домашних кошек — древняя страна Нубия, находившаяся когда-то в верхнем течении Нила. Оттуда кошки были вывезены в Египет. Считается, что было это примерно пять тысяч лет назад. Нубийская

кошка, а затем египетская (скрещённая с болотной рысью) мышей не ловила. Она, как нынешняя собака, помогала людям на охоте. Только позднее кошка стала охотиться на мышей. Это тоже оказалось очень важно — главным богатством египтян в то время было зерно.

В Европу кошка попала в первых веках нашей эры, распространилась в средние века. Поначалу ей тут жилось неплохо, пока церковь не объявила кошек ведьмами. Во многих странах началось массовое уничтожение кошек. Потом страсти стихли, но остался вопрос: кто же она, кошка? Почему кошки такие разные? Большинство учёных считает: все кошки одного вида. Почему же тогда они так отличаются друг от друга? Разные породы? Но породы должны быть устойчивы. А у чёрных кошек могут быть рыжие или пятнистые котята, у очень пушистых — гладкошёрстные детёныши. Есть оригинальные кошки — очень волосатые или совершенно голые, есть короткохвостые и даже совсем бесхвостые...

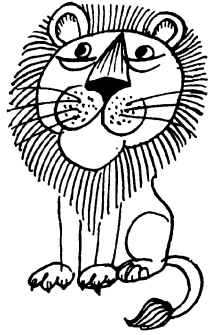
И вот бродят по планете полмиллиарда самых разных кошек, с самыми разными, невероятными родословными, течёт в их жилах кровь болотных рысей и диких котов. А рядом с ними на планете живут их дикие родственники — рыси и сервалы, тигры и львы, оцелоты и леопарды, гепарды и ягуары. В общем — 36 диких родственников у нашей домашней кошки. Вернее — было 36 до 1967 года.

Этот год в зоологии знаменателен — в 1967 году учёные открыли новую кошку! И где? В такой заселённой стране, как Япония! А точнее, на острове Ириомота. Учёным не терпелось познакомиться с ней. Но, увы, последнюю кошку местные жители уже... съели, как, впрочем, они поступали и прежде со всеми своими пленницами-кошками. К счастью, довольно скоро в ловушку попала ещё одна дикая кошка. Поимка этой кошки потрясла учёных. Внешне она не очень отличалась от домашних, но при ближайшем изучении оказалось, что ни одна кошка на Земле не может считаться ей близкой родственницей. Двоюродные братья и сёстры — эти есть, а вот родных пока нет, неизвестны! Так у нашей домашней кошки появился ещё один родственник, 37-й по счёту, и открыт он всего десятилетие назад.

ОЖИВШИЕ ИСКОПАЕМЫЕ

Может ли вымершее много лет назад животное вдруг опять появиться на Земле? Большинство учёных считало, что такого быть не может. Поэтому, когда в Австралии поймали маленького грызуна и объявили, что это живший здесь когда-то зверёк по имени «диблер», сообщению не поверили. Ведь последнего диблера видели по крайней мере сто лет назад. Но когда в ловушки попало ещё несколько зверьков, даже закоренелые скептики отступили.

Крошечный сумчатый зверёк устроил большой переполох своим появлением. Раньше считалось, что «покойный» был хищником. Оказалось, его любимая пища... нектар цветов. Не прочь он полакомиться и насекомыми. Словом, это очень славное и полезное существо. В Австралии произошло ещё одно событие, записанное золотыми бук-

вами не только в истории зоологии, но и вообще в истории науки. Событие это — второе открытие такахе. Птицу эту никто из европейцев не видел живой. Знали о ней по рассказам новозеландцев да по костям, найденным в середине прошлого века. По этим данным, птица была большая, с крупного петуха, очень яркая и красивая, прекрасно бегала, но совершенно не могла летать. Считалось, что птица эта вымерла несколько столетий назад. И вдруг такая живая птица была поймана охотниками. К сожалению, охотники не поняли, какое чудо оказалось в их руках, и съели птицу.

Прошло двадцать лет — и новая находка: живая такахе. И опять её не удалось сохранить. Ещё двадцать лет — опять поймали такахе. Тогда начались упорные поиски, но больше такахе найти не удалось. Видно, она окончательно вымерла... Так решили все, кроме одного человека — натуралиста-любителя Д. Орбелла. Он почему-то упорно верил, что такахе ещё живёт на Новой Зеландии. И упорно продолжал поиски.

Шли годы, а поиски не давали результатов. Не раз Орбелл был готов всё бросить. Но что-то подсказывало ему — надо искать. И вот однажды — это произошло в 1957 году — он увидел наконец птиц. Не птицу, а именно птиц! И не одну-две, даже не десяток — около сотни птиц гнездились вблизи горного озера, окружённого почти непроходимым лесом. Такахе оказалась жива!

Весть об удивительном открытии молнией облетела весь мир, правительство Новой Зеландии приняло чрезвычайные меры по охране такахе. Но удастся ли спасти эту птицу — неизвестно. Дело в том, что жить эта птица может только в очень уединённых местах, где её никто не тревожит. Кроме того, ей совершенно необходима определённая трава. Когда-то такая трава (она называется снежной) росла в изобилии. Но потом на остров завезли пятнистых оленей, они поедают, а ещё больше вытаптывают траву, так необходимую такахе. Раньше не было в Новой Зеландии хищников. Теперь завезли ласок и горностаев. Они тоже серьёзная угроза такахе. И если теперь она исчезнет, то уж навсегда...

Однако самое замечательное открытие «ископаемого» было сделано 22 декабря 1938 года. Всё началось с телефонного звонка. Неизвестный сообщил в музей небольшого городка на юге Африки, что рыбаки поймали какую-то необычную рыбу. К счастью, директор музея И. Кортенэ-Латимер оказалась человеком любознательным и энергичным. Она немедленно приехала в порт. Большая — в полтора метра длиной и весом более пятидесяти килограммов — синяя рыба ей тоже не была известна. Она тогда ещё не предполагала, что это великое открытие увековечит её имя: рыбу в честь Кортенэ-Латимер назвали «латимерией».

Но у рыбы было и другое название — «целакант». Оно существовало давно, так как учёным давно была известна эта рыба. И известно было, что вымерла она по крайней мере 50—60 миллионов лет назад! Живой zcelaкант? Среди немногих учёных в это поверил тогда про-

фессор Дж. Л. Б. Смит. Он выпустил специальную листовку. Он просил всех, кому попадутся необычные рыбы, за вознаграждение сообщать ему. Его призыв долго оставался без ответа. Четырнадцать лет ждал учёный! И в 1952 году был пойман ещё один целакант. А затем в течение восьми лет было поймано ещё 16 таких же рыб. Теперь уже существование целаканта-латимерии не вызывало сомнений. Но вызвало множество новых вопросов. Почему эта рыба на протяжении миллионов лет не изменила свою внешность? Где живёт она? Как размножается? Почему встречается только в районе Каморских островов? Из каких веществ состоят её ткани? (Смит выяснил, что при варке мясо рыбы становится почти жидким.) Многое ещё предстоит выяснить, а сколько загадок ещё задаст эта ископаемая рыба, вдруг «ожившая» в наше время?

Вот лишь несколько коротких историй об открытии неизвестных животных в наш век, когда Земля, казалось, вся исследована. А можно было бы рассказать о недавно открытых бамбуковом медведе (большой панде) на юго-востоке Азии и о медведе-кодыаке, живущем на Аляске, о носатой обезьяне и волке Гагенбека, о новых неизвестных науке птицах и ещё о многом другом. Стало быть, рано подводить черту под списком известных науке животных. И прав был профессор Дж. Л. Б. Смит, когда говорил: «Каждое научное определение и теория должны бы начинаться словами: „Насколько нам сейчас известно“...»

Известно далеко не всё. И учёные-романтики, учёные-оптимисты верят в это. Они продолжают искать...

Григорий КРУЖКОВ

Н Ы Л Ь

*А вы не забыли
Про тряпку от пыли?
Пожалуйста, не забывайте
И каждый день,*

*Отбросив лень,
Нательную пыль вытирайте!
Она, как непрошенный гость,
На стуле —
Пока со стула её не сматнули;
На кресло садится важно, —
Но тряпки боится влажной!
Особенно с книг,
Особенно с книг
Почаще стирай её, ученик,
Чтоб было
Твёрдое знание,
А не сплошное чихание!
Держи в голове
Пример Луны,
Где при отсутствии ветра
Слой пыли — в среднем — достиг
толщины
В двадцать два сантиметра!*

Рис. Л. Московского

ОБИДА

РЫБАКИ чуть свет ушли из дому, а уж ночь. Запрягли гнедого Бурана в розвальни и укатили на сети. Буран — конь редкостный: с двумя кличками. В конюшне Мирным звали, а в упряжи — буйным братом ветра, Бураном. Если хомут на шее, дуга над головой да вожжи щекотнули бока — кто не успел упасть в сани, тому идти пешком. Крутнёт хвостом, словно рванёт с места ветром, и начнёт сечь лёд подковами, похрапывая, кланяясь накатанной дороге на бегу. Взмокнет, потная пена выступит между холками, под хомутом на плечах, под шлейф по кру-

пу, а всё будет спешить, понимая непоседливую душу рыбаков. В весеннюю-то путину мужики держали его в конюшне. Сами забывали дорогу домой неделями и жён приучили куковать, ждавши их.

Жену бригадира Романа Протасова Евлалию Родионовну то в жар, то в холод кидало. Давно бы спать ей крепким сном, а сна не было. Полежала, повертелась угрём с боку на бок, повздыхала, поднялась с постели, накинула овчинный тулуп мужа, надела на босу ногу катанки и пошла с непокрытой головой на улицу, оставив в другой комнате спящего пятигодовалого сына Максима.

То ли от озноба, то ли от страха, сомнения в душе — её колотило, сразу на улице сердце зашлось, спазма горло сдавила. Старалась не думать о страшном, а ей уже слышался в вихре урагана голос мужа, взывающего о помощи. Шла навстречу ветру торопливо и грузно. Лоб до ломоты жгло, стегало снегом-крупой. Глаза слезились. Две сотни шагов до угора, до рыбацкого приёмного пункта, раньше такими длинными не были. И отродясь одышка не брала, а тут... откуда взялась?..

Как из сугроба повылазили бабы: одна, вторая и третья — жёны рыбаков бригады мужа, тоже горем охваченные, кто в чём — в дублёных и стёганных душегреях. Тоже сна лишились, в полночь повставали с постелей, к Евлалии пошли узнать, не собрание ли у бригадира после поездки на лёд, а той — и след простыл. Максим спал притворно, всё слышал, как мать вздыхала и ворочалась, видел, как в тулуп обряжалась, не спросил: «Ты куда?» — знал: отца встретить пошла, не впервой — и рассказал об этом своим соседкам.

Они кричали теперь в ухо одна другой:

— Мой без тулупа ушёл-от... И еды две котлетины взял...

— Мой тож. А кому знать?

— Тревогу заявить бы?..

— Где ночью искать их? И кого пошлѣшь на гибе-ель?

— Ах ты, горе-горе...

Горше горя и тревоги рыбацкий посѣлок не знал. Люди всю ночь хлопали дверьми, туда-сюда бегая, охали, молили пронести беду стороной хоть ради детей малых — их у четверых мужиков около дюжины.

УЕХАЛИ мужики, взяв с собой харч на задний зуб — «червяка заморить», полтюка сена, ведро овса Бурану и всякую там промысловую снасть. Час езды — и первая кустистая сосновая вежа, вмороженная в лунке, — от неё началась линия сетей. В бинокль видно. Мужики свежими силами пешневали лунки да и новую линию сетей тянули подо льдом, а Буран с ослабленным чересседельником аппетитно дожѣвывал овѣс.

Вдруг он начал беспокоиться, топтаться, пофыркивать, порывисто вскидывать голову, огляды-

ваться, ушами стричь. Раньше человека беду почуял — снежное облако несло. Потемнело. Ветряное колесо завертелось перед глазами. Заржал Буран. Прибежали рыбаки. Роман Протасов чересседельник затягивал на оглобле, а Бурану не стоялось — ему бы мчаться во весь опор к берегу. Упали мужики в розвальни, полетел лёд из-под копыт в передки саней, да вдруг остановился конь, вспахал подковами лёд, заржал — впереди полынья тѣмная...

— Ах ты, милый! — это всё, что мог сказать Роман Протасов.

Держась за оглоблю, дабы ветром не сдуло по гололедью в воду, взял под уздцы Бурана, отвѣл от полыньи шагов десять, и конь встал, заупрямился, не пошѣл дальше, повернулся упитанным крупом к ветру. Не шѣл за Романом по отколовшейся льдине искать переезд... Понятливое животное, способное ценой своей жизни спасти жизнь человека,

безрассудно умирать не хотело. Сошли мужики с розвальней, за коня попрыгали от ветра, прижались к бёдрам, к груди. Горбился Буран на ветру, дрожал мелко.

ВЕТРЯНОЕ колесо перестало вертеться к утру. Открылось небо. Посветлело. За ночь ураган начисто, до синевы выскоблил отколовшуюся льдину. Трижды к ногам Бурана приползала гадюка-грещина, трижды конь вздрагивал, пятился назад от неё. К утру следы той гадюки белыми рубцами застыли, покрылись хрустящей, обманчивой корочкой... Мужики металась по льдине, стужу из себя гнали прочь, а льдину несло в море. Буран, выпряженный из саней, дрожал немилосердно, дёргал оставшееся сено из тюка в рыбном ящике, жевал, поглядывая на людей, топтался — не давал подковам прикипеть ко льду.

Вдали полоской пророс берег. Буран навострил уши, услышав стальной гул мотора. Через минуту рыбаки замахали руками, шапками:

- К на-ам!..
- Ура-а!..
- Вертолё-ёт!..
- Спасены!..

Рыбаки стояли возле розвальней. Стрелковой висел над ними вертолёт. Болталась верёвочная с деревянными поперечинами лестница, по ней пауком взбирались в вертолёт люди. Не торопился один бригадир. Он погладил опущенную шею Бурана, обнял голову, своей щекой — к его щеке:

— Прости... — и спазма в горле не дала других слов добавить.

Буран перестал жевать сено, вскинул голову, попятился, скользнули сани. Глаза в одну минуту переменялись, сверкнули гневом, отчаянием. Теперь он тем паче не был похож на того Мирного, у которого под брюхом любил лазить Максимка — сын Романа. Буран одичало дёргал головой, пытался порвать уздечку, бил передними

копытами лёд... Ветер кудлатил гриву.

Роман грустно оглядел коня, не зная, чем помочь ему, полез тоже в стрекозу.

— Ах, Буран, Буран, — поднявшись к своим, тяжело вздохнул бригадир. Роман не сел к иллюминатору, чтобы оглядеть сверху льдину — не мог. Так или иначе он увидел бы там Бурана, который за восемь лет ни разу не оставял рыбаков в беде.

В **БАНЯХ** рыбаки настегали себя вениками, кости отогрели, горячего чаю с малиной напились, пропотели и крепким сном уснули. Сердца их жён успокоились. Потекла жизнь своим руслом. Один Максимка не мог успокоиться. Он, пока мылся, отец в бане да чай пил, — с биноклем стоял на угоре, усмотрел на льдине сгорбившуюся лошадь. Дома отца застал уже в постели, мать не велела громко говорить, тем более приставать к нему с вопросами. И только утром, когда мать звякнула на кухне кастрюлей, он моментально перепорхнул из своей кровати к отцу на руки, крепко обнял его шею:

— Папа, а пап! Я больше не пущу тебя на лёд.

— Почему, сынок?

— Сам знаешь почему...

— Ничего со мной не стрясётся, Максимка.

Сын ткнулся лицом в ухо отцу, зашмыгал носом. Внутренней дрожью заколотило его. Подушка от слёз повлажнела.

— Ты ведь мужчина, по-мужски и жить надо. Слёзы — это по женской части, — спокойно продолжал отец, поглаживая сына стриженный затылок.

— А зачем Мирного оставили? Это по-мужски?..

Отец намерен был утаить от сына, что они оставили на льдине его любимца Мирного — знал, слёзы будут. День-два — и коня спасут. В правлении думали уже, как это сделать побыстрее. А неосве-

домлённый в этом Максимка полагал: если на вертолётах возят трактора, машины, то уж коня проще простого. Зачем оставили?

— Ты прав, не по-мужски, — признался отец. — Сбруи такой не нашлось у лётчиков, чтобы подстропить — и на берег его...

— А теперь как? — Максимка перевернулся на спину.

— Позвоню в правление, узнаю: как там решили?

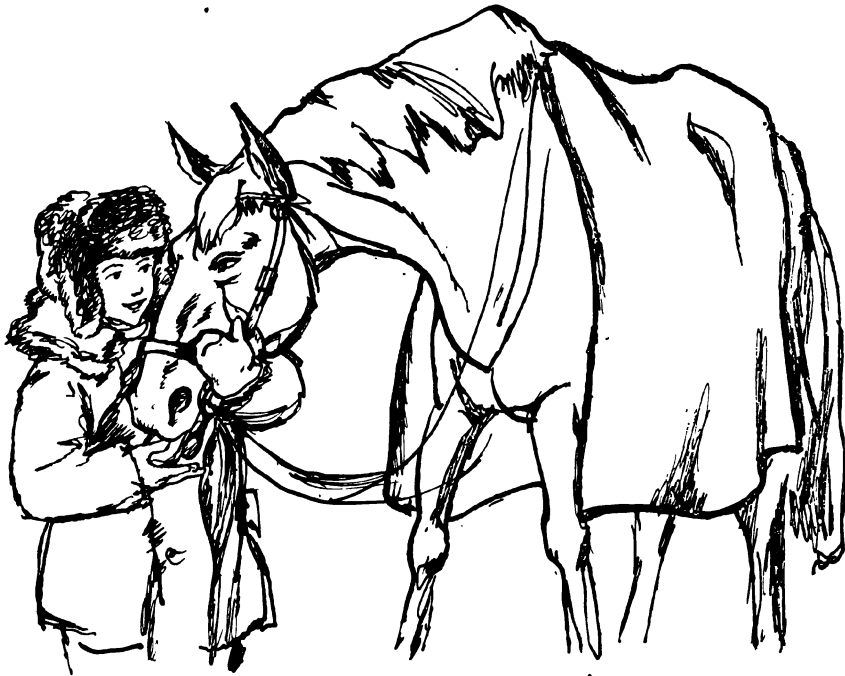
Максимку, что крапива ожгла, белым котёнком прыгнул с кровати на коврик, подал отцу тапки:

— Звони, папа, скорей звони...

— Колхозу деньги девать куда? Буксир в три раза дороже коня обойдётся, — предупредил диспетчер, поскольку у него были более важные заявки.

— Это наше, колхозное дело, — ответил председатель правления, отбив попытку диспетчера отговорить рыбаков от буксира.

А Максим изводился: как там Мирный, жив ли? То и дело бегал на угор, нацеливал бинокль в залив. Льдину уносило дальше и дальше, конь уже стал тёмным пятнышком, не разобрать было: стоял ли он, или уже выбился из сил, упал? Максим снова слезу

ТРИ ДНЯ и три ночи штормило море после того урагана. Рейдовые посты не давали «добро» судам на выход из гаваней. Последнюю ночь ветер повернул обратно, мокрого снега надул, погнал льды к берегу. Пробриться сквозь них портовому буксиру было немислимо. Пришлось просить на подмогу буксир ледокольного типа. Туда-сюда — ещё сутки прочь.

— Кого спасать-то? — спросил диспетчер порта.

— Лошадь.

пустил. Наконец дождался, увидел дымящееся судно (там его отец) и обрадовался, на весь рыбацкий посёлок закричал:

— Мирного пошли спасать, ура!..

...Тупорылый буксир-утюг тихо шёл по фарватеру, раздвигая густое крошево льда. Кипела за кормой в полбуксира полынья. С шумом и пузырьрением всплывал, как пенопласт, битый лёд, винтом и бортами растолканный по сторонам — и мостил сзади на белом

поле дорогу серой полосой. Словно сквозь марлю, зайчиком показалось солнце: ласковый луч послало — тепло посулило. Душе легче. Магросы буксира успели уже вылезти из кубриков, как на пляже лицо солнцу подвернули, глаза сощурили — конь не фигура. Один Роман Протасов спиной к солнцу — ему Буран дороже. Конь хорошо был виден уже без бинокля. Он сначала стоял боком, согбенный, опустив голову в ноги, — кормился, но чем? Сена на одну езду брали — прошло пять суток уже. А он, к удивлению Романа, нашёл ещё сил гордо вскинуть голову, наострить уши — и стоять недвижимо, как дикий мустанг, насторожившийся перед лицом опасности.

Буксир толкнулся носом в преграду, прижался бортом к неторосной льдине, а бригадир уже махнул с борта. В руке — кусок хлеба. Узнав хозяина, Буран ослабевшим голосом, трогательно гугукнул, несколько раз копытнул лёд. Буран был неузнаваем: высушен, выстужен. Глаза глубоко в орбитах, вялые, — угас огонёк. Шея потончала. Хомут велик, тяжёлым стал. На крупе острые мослы поднялись. Шлея свисала на один бок. Живот и бока втянуты, рёбра — что деревянные обручи, обтянутые кожей. Подковами выбиты во льду высечены — воды искал. На розвальнях был ящик для рыбы в ширину полозьев — теперь корыто изглодано. Санний передок — тоже источен. Что кость недоглоданная, культяпкой лежала в ногах возле полоза берёзовая оглобля. Уздечка на честном слове держалась на темени.

Роман Протасов в жизни слёз не признавал, так и сына воспитывал, а тут у самого свет в глазах помутнел. Первым делом он обнял Бурана, как и в час разлуки. Смахнул слезу. Отломил хлеба, поднёс кусок к заиндевелым губам, Буран обнюхал его, надул ноздри, дыхнул со стоном, голову отвёл — и хлеб не нужен.

— Прости, Буран... — Роман виновато поглядел ему в глаза, повернул к себе голову. Конь глядел на него из глубины орбит остеклевшими, изумлёнными глазами, словно спрашивал: «Разве я поступал когда-нибудь так?» Нет! В этом бригадир своего коня упрекнуть не мог.

Роман отвязал Бурана от передка саней:

— Идём, — сказал.

Буран того и ждал. Широко ставя ходульные ноги, он рысцой затрусил в ряд с хозяином к судну — лишь лёд под острыми подковами похрупывал. А там уже и сходня дощатая брошена с низкого борта. Буран осторожно вошёл по ней следом за Романом на буксир. Моряки проследовали за ним, подстраховывая, чтобы он не упал. Потом под палубой гудела машина, за бортом шумел лёд, а Буран, расставив ноги, стоял напряжённо, грустно склонив голову, видимо, всё ещё не был уверен, что он спасён. Роман снял с Бурана хомут, а моряки накинули на него, под масть, коричневое одеяло, прикрыли худобу. Снова Роман пытался кормить его хлебом, но конь снова отворачивался, не ел.

Максим всё-таки выстонал у матери оставить в воскресный день домашние дела, пойти с ним к пирсу. Буксир швартовался, а Максим уже прыгал от радости:

— Мирный! Мирный!

Конь повеселел вдруг, поднял голову, повёл ушами, гугукнул приветливо — узнал Максимку. В глазах зажглись огоньки. Едва сходню успели положить на борт, а он, не дожидаясь, когда возьмёт его хозяин под узды, самовольно отправился на берег. У Максима в кармане нашлось всего понемногу: сахар, печенье, хлеб. Он на пирсе кормил с ладони Мирного, покрытого одеялом, а Евлалия Родионовна слезами обливалась, плачток весь измочалила.

Жена бригадира в отсутствие мужа поила, кормила, обхаживала коня. Часто ей помогал Мак-

сим. Пока она в кормушку клала сена, сыпала овса — Максим жестяным скребком чесал засохшие от лежания на сырости бока и брюхо Мирному, а тот млея от наслаждения, закрывал глаза. Эти глаза и теперь ещё были не Бурана, находящегося в упряжи, а конопятого Мирного — худого, ос-

лабшего, но до слёз подвижного, ласкового, радостного — простившего обиду хозяину, оставившему его в беде. Только на берегу он принял из рук Романа тот хлеб, которым Протасов пытался покормить его на льдине и на борту буксира.

Рис. П. Вискова

О С В О Б О Ж Д Е Н И Е !

(К рисункам на 3-й странице обложки)

*Ты не найдёшь в Болгарии вершин,
Где в русском памятники не стояли.
Они следы воинственных годин
Запечатлели в камне и металле.*

Это стихи болгарского поэта... Да! Освобождение! Это слово для болгарина неизменно связано с «дядо Иван», «братушка» — так в Болгарии называли русских. Нет другого народа, который вверил бы своё будущее с такой любовью и верой братской державе, как болгары России.

В немой бронзе застыли имена освободителей на гранитных плитах памятников... 200 тысяч русских воинов в борьбе отдали жизнь, чтобы болгарский народ освободился от иноземного ига, которое длилось пять веков. В Софии, на памятнике, что стоит в городском парке, — имена 528 русских врачей и сестёр милосердия, погибших за освобождение Болгарии.

В ясные дни высоко в горах с юга и с севера виден памятник на Шипке. К нему ведут сотни ступеней. Годы ещё не стёрли траншей небывалой, незабываемой войны... Сюда приходят поклониться местам, овеянным славой, обильно политым болгарской и русской кровью.

Одна из горных вершин Стара-Планины носит имя русского генерала Столетова, который командовал болгарским ополчением. Сто лет назад здесь, на Шипкинском перевале, русские солдаты и болгарские ополченцы не на жизнь, а на смерть дрались с войсками Сулейман-паши. И на вечную дружбу смешивалась русская и болгарская кровь. Вечный огонь горит у подножия памятника. Бронзовый лев — символ Болгарии — смотрит в сторону России.

*...Здесь братья спят, и это место свято,
И лев всё время смотрит на Восток,
Откуда и пришли они когда-то.*

Эти строки знает в Болгарии каждый.

Плевен... Здесь, как и на Шипке, так же решалась судьба войны и Болгарии. В боях под Плевеном было убито и ранено более 30 тысяч русских солдат. Ныне самый красивый парк в Плевене носит имя героя войны генерала Скобелева. А на месте ожесточённых боёв каждый год болгары высаживают тысячи роз и пионов. Это было сто лет назад. Но не суждено было болгарскому народу воспользоваться свободой...

И лишь в марте 1944 года вновь пришло освобождение! И теперь уже навсегда.

А в Пловдиве навечно встал над горою русский солдат, которого все называют «Алёша». Это памятник потомкам тех русских солдат, которые штурмовали Плевен и обороняли Шипку...

Много в Болгарии памятников русским воинам. Сотни. Это дань признательности и братского уважения к народу-освободителю.

О. ЯКОВЛЕВ

ОХАТКА СЕНА

Суббота — занятия в школе окончены. По блину за обе щеки, на лыжи — и на лесосеку!

До неё от деревни — километров пять. Но дорога наезжена: катись, отталкивайся палками.

Всё лесом и лесом. Зверя сейчас нет, в снегах отсиживается. Одни птицы.

«Мя-у!!» — на весь лес.

Так и присел. Кошка? Я ж километра три отмахал от деревни.

«Мя-у!!» — над самой головой. Огляделся — сорокопут! Сидит на вершине сосны. Серенький, с дрозда. Тоже ведь пересмешник — и кошку, и кукушку передразнит.

— А хрюкать ещё не научился? — кричу весело сорокопугу, страх-то прошёл.

Оң — ноль внимания на меня, даже не шевельнулся. Ну, сиди себе, мне некогда.

Потянуло дымком — лесосека. Морозно! Ухо прихватило, а лесорубы в одних свитерах: жарко на работе!

— Па-па!..

— А-а... Замёрз? На-ка топор, согреешься. Обрубай сучья, которые по тебе. Толстых не трогай.

Зимний день — с птичий нос. Вот уже и сумерки сгущаются. Народ спешит управиться с последними деревьями, а я подбираю остатки сена у лошадей — в сани, ехать теплей.

Отец вынес из сторожевой избушки большой тулуп. Сгребает в охапку собранное мною сено и относит к избушке. Делит охапку на части, раскладывает сено вокруг домика.

— Не жадничай,— говорит отец.

Я таращу глаза.

— Не понимаешь? Сколько снегу-то в лесу навалило. А мороз? К ночи ещё покрепчает. Сенцо — и сохатым, и зайцам, и кабанам пригодится.

— Уедем, а они придут? — перехватило у меня в горле. Вот бы остаться — посмотреть!

— Чему вас в школе учат? Зверь не дурак. Часа через три, не раньше, пока дух человеческий не выветрится.

— Папа, оставь меня в избушке — глянуть на них...

— Одного? Ну, брат...

— Дмитрий Иванович! — кинулся я к соседу-односельчанину, он как-то брал меня на тетеревиную охоту.— Упросите папу!

— А что? В его годы мы с тобой и на охоту хаживали,— подошёл к отцу Дмитрий Иванович. — Не разнесут же сохатые сторожку по брёвнышкам. Печь докрасна накалили — тепло до утра не вынесет. Кусок хлеба найдётся — не всё блинами баловать...

В потёмках скрылась последняя подвода. Приедут утром, часов в семь. Я сидел в избушке, прильнув к холодному оконцу. Теперь я один в лесу! Даже поёжился — одиноко. Но тут же сказал вслух:

— Кхе! Кхе!

Говорят, когда слышишь свой голос,— уже вдвоём. Принялся за хлеб с луком — стало веселей. Проглотил последний кусочек — сижу, гляжу... огня не зажигаю.

Тра-ах!! Где-то в глубине леса. Трах! — послабее. Это деревья в лесу трещат — мороз крепчает!

На полу засветлели жёлто-белые пятна. Луна! Посвети, посвети — скоро гости пожалуют. Месяц озарил белым светом и штабели брёвен, и зелёные сосны да ели. Снег заискрился серебристыми блёстками. Эх, ребят бы сюда. Всю школу!

Я смотрел на снежную, лунную сказку, боясь шелохнуться. Потом спохватился: ведь меня в окне, при свете луны, всем зверям видно! Ни один не подойдёт к сенцу. Отодвинулся от окна — и вовремя: белый комок — зайчишка! — оторвался от зелёной ели и — скок! — остановился,— скок! — прислушался и направился к штабелю брёвен. Голоден же беляк! Так и пошёл строгать зубами берёзовую кору. Вот ещё два белых комка. Зайцы облепили штабель со всех сторон. Такая тишина — слышно в избушке, как шелестит берёзовая кора, как переговариваются между собой лопухие: «И-и!.. И-и!..»

Чу! Словно одной пружиной всех их подбросило высоко вверх и — в разные стороны: к штабелю трусил кабан. «Хр-хр!» — он с ходу полоснул клыками по сосновому бревну и так же трусцой — к сену. Почавкал-почавкал, недовольно хрюкнул и опять засеменял к штабелю брёвен. Не нравится угощенье?! Привереда!..

Кабан вдруг трусливо поджал короткий хвост и попытился в гущу леса: на поляну перед сторожкой вышли величественные, с ветвистыми рогами лоси. Два, три... Стадо! Лесные великаны, пофыркивая, приблизились к избушке — у меня замерло сердце. Никогда так близко не видел огромных диких животных. Из широких нозд-

рей сохатых клубился пар — мороз! Спасибо тебе, печка — мне-то тепло.

Лоси жадно набросились на сено, хватали его губами вместе со снегом. Один, повыше, посильнее, ковырнул соседа в боёк — не поделили. Что охалка — воз сена им давай!

Я прилип носом к стеклу. Нет, не все они одинаково сильные. Вот этот, помоложе, прихрамывает: на передних ногах чуть выше копыт шерсть и кожа содраны до самых костей. Поранился о ледяную корку снежного наста — она проламывается под острыми копытами тяжёлого зверя и до крови сдирает кожу.

Стёкла оконца с обеих сторон стали быстро покрываться белым снежным налётом, изморозью. Вскоре их и совсем заволокло. Кончились мои «смотрины». Теперь только слушай, как ходят вокруг сторожки рогатые хозяева леса, фыркают, бодаются друг с другом, роют копытами мёрзлую землю.

Трах!.. Дерево треснуло от мороза или сшиблись рогами сохатые? Трах!.. Чик!..

Незаметно я уснул на лежанке, накрывшись оставленным папой тулупом, под треск деревьев да стук лосиных рогов.

Разбудил меня отец:

— Вставать пора! Всю ночь, поди, не спал, на лосей глядел? Что ж... Не забыли тебя сохатые. Вон какой подарок оставили... — и отец занёс в избышку огромные ветвистые лосиные рога. — Бодались, видать. Декабрь, у лосей как раз такая пора — рога менять.

Я взялся за «подарок» — тяжеленные! Ни за что не донёс бы до дому. А лось рогами вон как легко вертит.

Вышел на воздух — вокруг сторожки следы сохатых. И — ни одной сенинки!..

— Что, сын, задумался?

— Мало мы вчера сена оставили.

— А-а... Я ж тебе говорил — не жадничай. Ну сегодня больше оставим.

А. КРЕСТИНСКИЙ

НОВОЕ ПЛАТЬЕ

*Вы ещё не видели платья?
Моего весеннего платья!
Всем хочу его показать я —
Загляните в моё окно.
Я сама это платье шила,
Вот на этой машине шила,
Поскорей бы зима уходила,
И морозы — с ней заодно.
Мне бы выбежать в платье новом,
Майским вечером — в платье*

новом,

*В платье радужно-бирюзовом,
И пройти — от угла до угла...
Наша комната залита светом,
Электрическим тёплым светом,
Платье кружится над паркетом,
А за стёклами снежная мгла...*

Рис. С. Конур

ОТ СТВОЛА К СТВОЛУ

Он увидел их и пошёл за ними. На приличном расстоянии, конечно. Прячься и перебегай от дерева к дереву.

Кругом ни души. Пустой зимний парк. И нужно было хорошенько прятаться. А то вдруг оглянутся? Тогда его сразу увидят.

Почему они его интересовали, он и сам не мог сказать толком. Но только все остальные лица в классе — в его новом классе, в новой школе, куда он попал всего две недели назад, — сливались в неразличимую пока массу, а вот лица этих двоих выделялись.

Вообще-то это были самые обычные лица — обычные носы, обычные лбы, подбородки. И всё-таки они сразу бросились ему в глаза в первый же день как он пришёл в эту школу. Он их сразу запомнил. И что самое удивительное — часто вспоминал. Дома, например, за обедом или вечером, когда засыпал. Он думал о них, пытался понять, что же в них странного. И не мог.

Сегодня он тоже вспоминал о них. Два часа болтался один по ЦПКиО, пока не стало вечереть, пока не скрючились от холода пальцы в ботинках. Так что было время и была возможность подумать о всякой всячине. И он думал. Благо такое занятие — шататься одному — ему нравилось.

Но когда он уже возвращался домой, когда подошёл к мосту, что ведёт с Елагина на Крестовский, и только на минутку присел около большого куста, чтобы завязать шнурок на ботинке, мимо него совсем близко, с другой стороны куста, прошли те двое.

Конечно, естественно было бы встать, окликнуть, подойти. И во всяком случае, если не окликнул, следовало продолжать двигаться домой, потому что все сроки прошли и дома заругают. А между тем, вместо этого, короткими перебежками, от ствола к стволу, тайно и тихо, он направлялся в сторону, явно противоположную дому.

Те двое пересекли пруд. Он, чтобы не выходить на открытое про-

странство, пригнулся и изо всех сил припустил в обход по берегу. На какое-то время потерял их из виду и немного пометался взад-вперёд, пока не сообразил, что они скрылись за пустым и заколоченным зданием летнего театра. Обежал театр и действительно увидел две небольшие фигурки, ссутулившиеся, засунувшие руки в карманы осенних пальтишек, и торчащие в разные стороны уши зимних шапок, и длинные тесёмки этих ушей, и деловую, торопливую походку, и оторванный хлястик, и поднятые воротники. Они шли к заливу.

Он остановился и долго глядел им вслед. Почему-то он вдруг, как будто впервые, увидел кирпично-красный закат, разлившийся по небу там, в конце главной аллеи. Увидел, что кора деревьев отсырела и почернела, что снег посерел. Услышал, как кричат вороны, проносясь чёрными раздёрганными пятнами над серым снегом. Почувствовал пустынную парку, его безлюдье и то, как в воздухе пахнет весной.

То, что он так отчётливо всё это увидел, к преследованию никакого отношения не имело. У него подобное состояние наступало по нескольку раз в неделю — то в трамвае, то в бане, а то и дома, в собственной комнате. И он тогда начинал пристально рассматривать, как льётся свет из окна и как пляшут в нём пылинки, как выступают царапины на обоях. А потому никакого удивления от своей задержки он не испытывал и через две-три минуты вновь пустился в погоню.

НИЧЕГО НЕ ПРОИЗОШЛО

Он нагнал их у самого конца острова. Спрятался за ствол дерева — стал смотреть.

Но... в этот вечер ничего так и не произошло. Ну совсем, совсем ничего. Ничегошеньки. Абсолютно пустой номер.

Они просто-напросто стали кататься с горки. Скользили на ногах по узкой ледяной дорожке, что тускло поблёскивала на очень крутом склоне пруда. Скатывались и возвращались опять наверх. И ещё раз. И ещё. И ещё. Прошло полчаса. Час. Он закончил окончательно. И когда они уходили из парка, плёлся за ними на плохо слушающихся, негнущихся ногах.

НЕМНОГО СЛЮНЫ СКВОЗЬ ЗУБЫ

Конечно, Андрей приглядывался к ним и в школе. Каждый день. На уроках и на переменках. Но это ничего не давало. Они хоть и держались вместе, несколько в стороне от других ребят, но между собой почти не разговаривали. Равнодушно поглядывали на всё и всех да изредка сплёвывали немного слюны сквозь зубы.

РАБОТАЕТ БЫСТРОВ

А через неделю, на этот раз совсем в другой части города, где-то на Васильевском острове, они снова прошли мимо Андрея.

Андрей еле успел отскочить в сторону и прикрыть лицо руками. Потом, конечно же, снова двинулся следом. Он крался вдоль стен и не переставал изумляться: как они сюда попали? Он, Андрей, почти никогда не забирался один так далеко от дома, и то, что всё-таки здесь оказался, было результатом редкого стечения обстоятельств. Маме позарез понадобилось получить какой-то пакет от какой-то бабушки какой-то её, маминой, подруги. Подруга никак не могла увидеться со своей бабушкой. Мама никак не могла поехать ни к подруге, ни к подругиной бабушке. И вот после долгих телефонных звонков, переговоров, размышлений маму осенило — можно послать Андрея. Ну а Быстров-то и Краковяк как здесь очутились?

Они шли быстро. Лида у них были сосредоточенными. Весь вид — целеустремлённым. И сле-

дить на этот раз пришлось недолго. За ближайшим углом начинался тихий, заснеженный, совершенно безлюдный переулочек. Они свернули туда и остановились. Андрей тоже остановился, укрылся в подворотне.

Через некоторое время по переулочку прошла старушка в пушистом платке. Ни Быстров, ни Краковяк никак на неё не реагировали. Пробежала рыжая, поджавшая хвост, кривая на один глаз собака — опять ничего. Появился толстый мальчишка класса так четвертого-пятого, не больше. В руках он нёс хозяйственную сумку. Они двинулись ему навстречу. Остановили его и что-то ему сказали. С того места, где скрывался Андрей не было слышно, что же именно. Потом Быстров стал расстёгивать мальчишке пальто. А

мальчишка в это время стоял растопырив руки. Расстегнув пальто, Быстров стал расстёгивать пиджак, а затем быстро и как-то очень ловко принялся выворачивать все, какие только были на мальчишке карманы. Три у пиджака. Два у брюк, четыре у пальто. Мальчишка продолжал держать руки на весу, расставленными в разные стороны. Около него на снег падало множество бумажек, огрызков карандашей, спичечных коробков, проволочных мотков, железок и даже две-три небольшие лампочки.

Уже в последнем кармане пальто Быстров обнаружил круглый металлический полтинник. Он показал его Краковяку, который всё это время стоял рядом. Увидев полтинник, Краковяк молча кивнул, и они пошли прочь. Маль-

чишка заплакал и побежал в ту сторону, откуда пришёл.

«Так ведь они его грабили», — понял наконец Андрей.

У КРАКОВЯКА СВОЙ СПОСОБ

Когда Андрей нагнал их за углом на другой улице, отнюдь не безлюдной, Быстров и Краковяк уже снова кого-то грабили. Ограбляемый был такой же небольшой, как первый, но только тоненький. Глаза его походили на две чёрные большие стекляшки. Они делались всё круглее и круглее. Нос, тонкий и длинный, выдавался далеко вперёд. Мальчишка поднимался на цыпочки, тянул вверх шею и выкрикивал тихим, слабеньким голоском:

— На помощь! Грабят! На помощь!

Обыскивал его Краковяк. У него была явно своя манера. Он карманы не выворачивал, а засовывал туда руку и, глядя при этом куда-то в сторону, сосредоточенно копался.

На крики мальчишки никто из прохожих внимания не обращал. Оно и понятно — уже в десяти шагах их не было слышно. Более странно другое: почему никто не замечал, что позы у троих прижавшихся к стенке ребят достаточно странные. Но факт остаётся фактом: взрослые люди проходили мимо и никак не реагировали на происходящее.

— На помощь! — продолжал кричать мальчишка.

Стоявший без дела Быстров подносил к его носу палец и вразумляюще помахивал этим пальцем из стороны в сторону.

Минут через двадцать — двадцать пять они обчистили ещё одного. Втолкнули в подворотню, и подробности Андрею остались неизвестны.

КРАКОВЯК ПОДМИГИВАЕТ

— Ты как здесь оказался?

Быстров стоял в двух шагах от Андрея и смотрел на него в упор.

Андрей дёрнулся, как будто хотел броситься куда-то вбок, но остался на месте. Открыл рот, но ничего сказать не смог. Слова не связывались во фразу.

— Ты чего бормочешь? — спрашивал Быстров. — Ты нас раньше видел? И вообще, что ты видел?

Подошёл Краковяк. Тоже посмотрел на Андрея и вдруг подмигнул ему. Не поворачивая головы к своему сообщнику, пристально глядя в глаза Андрею, он принялся цедить сквозь странным образом кривящиеся губы:

— Ну, видел он чего-нибудь — не видел он чего-нибудь, какое это имеет значение? Кого это интересует? У меня вот идея — возьмём его с собой, пусть развлечётся немного.

— С какой стати мы будем на него тратиться? — удивился Быстров.

— Даст бог не объест, — усмехнулся Краковяк и, всё так же кривя рот и старательно растягивая слова, продолжал:

— Нужно же ему развлечься. А то всё уроки да уроки, домашние задания, контрольные работы.

— Непонятно, как он здесь очутился, — не унимался Быстров.

— Случайно очутился, совершенно случайно — мама за чем-нибудь послала. Ведь правда же, мама? — всё тем же тоном спросил Краковяк.

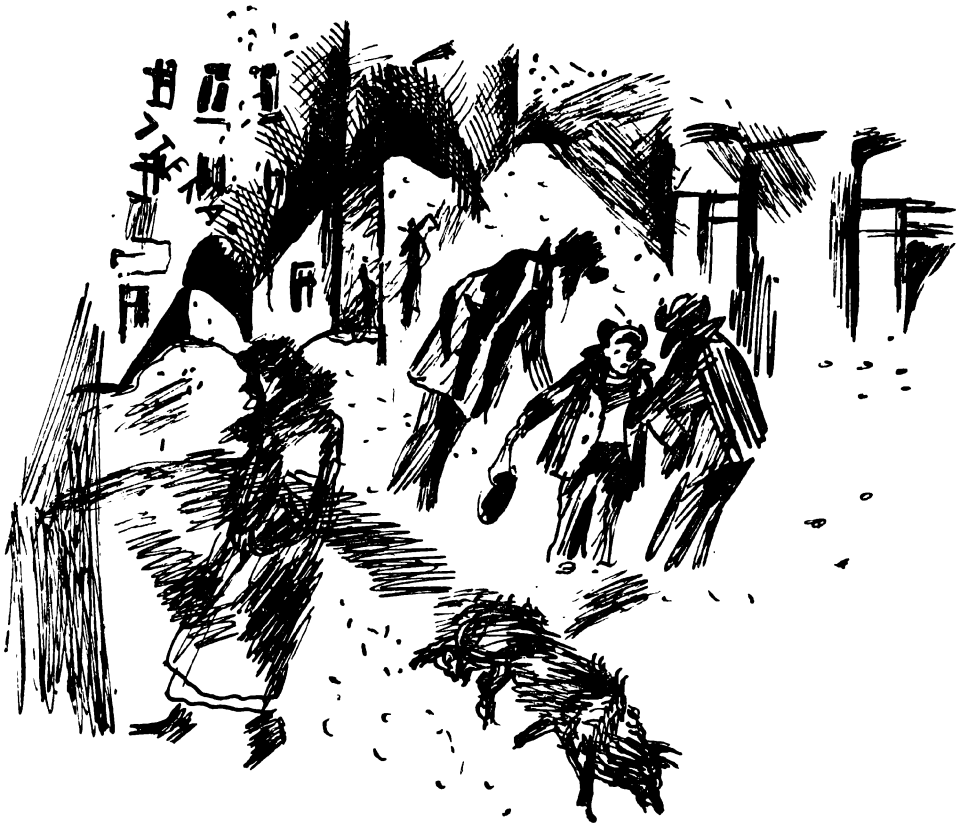
— Правда, мама, — поспешно подтвердил Андрей.

— Ну вот видишь — мама. Мама поручила. Он поручение выполнил, а теперь вот с нами погуляет.

И повернувшись, зашагал прочь не оглядываясь. Быстров пошёл за ним. Пошёл и Андрей.

СКВОЗЬ НОЧЬ И СНЕГ

Шли долго. Нырjali в проходные дворы, сворачивали то за один угол, то за другой. Сумерки кончились. Наступила ночь, да ещё снег повалил. Большие липкие снежинки падали так густо, что почти совсем заглушали мертвен-

ные фонари дневного света, а во дворах-то и вообще темень стояла.

Потом были какие-то деревья. Потом... потом Андрей увидел огромный стеклянный ангар, который светился изнутри. Очень высокий, очень обширный. Он раздвигал темноту и потоки снегопада. Из этого светящегося стеклянного ангара слабо доносилась музыка.

КТО НЕ ЛЮБИТ САФАРИ?

Леопард выскочил внезапно. Длинный и яркий, как язык оранжевого пламени, он взметнулся из-за невысокой груды камней и тут же пропал в траве.

Выстрел ударил, раскатился глухим эхом слишком поздно. И когда справа из-за сухого дерева выбежал слон, Андрей не удержался и закричал:

— Стреляйте!

Молоденький негр в цигейковой серой ушанке, в демисезонном пальто с поднятым воротником, в одной тонкой шерстяной перчатке (другую он снял и засунул в карман) в свою очередь крикнул:

— А-у-у-у!

И очень тонким, очень тёмным пальцем с бледным синеватым ногтем на конце нажал на спусковой крючок.

Слон дёрнулся, на какое-то мгновение застыл на месте и вдруг, не поворачиваясь, всё так же держа над головой задранный хобот, задом наперёд устремился за своё сухое дерево.

Андрей наклонял голову, почти что засовывал её в чудесный ящик. Животные выскакивали из правой и из левой стенки ящика через каждые две-три секунды: антилопы, крокодил, снова антилопы, слон, леопард. Все они светились

фосфорическим светом: антилопы зелёным и апельсиновым, слон синим, крокодил синим и зелёным. И точно так же, а может, даже ярче, светилась высокая трава саванны, камыши вокруг маленьких, ослепительно голубых озёр.

Негр ухмылялся от уха до уха. Его длинный палец всё ловчее и ловчее нажимал на спусковой крючок. Теперь он почти не промахивался. Грохот выстрелов мешался со странными вскрипами, уханьем, пронзительными криками, несущимися из саванны.

Весьма, однако, возможно, что в действительности всех этих звуков не было. Скорее всего, из ящика раздавалось некое дребезжание вконец заезженных механизмов. Но Андрей мог поклясться, что слышит голоса тропических птиц и зверей. Впрочем, ведь он не замечал и того, что леопарды-крокодилы выполнены не самым лучшим образом, что они плоские.

ГОНКИ — ЭТО ТОЖЕ УВЛЕКАТЕЛЬНО

Время негра кончилось. Его сменил приятель, тоже негр. Потом стреляли один за другим трое обыкновенных российских мужчин, потом бабушка в шляпке. Наконец Андрей отошёл от этого аттракциона, чтобы посмотреть на другие.

Помещение было гигантским — высоким и обширным. Большинство развлекательных автоматов стояло в одном углу, и несколько десятков человек толпились тут тесной кучкой. Жёлтый тускловатый свет заливал этот угол. Остальное пространство освещалось и того менее. Центр его занимал не работающий сейчас, уставленный рядами неподвижных экипажей, затемнённый автодром. Но за автодромом вспыхивали какие-то синие огни. Доносились треск и скрежет чего-то быстро и непрерывно движущегося.

Андрей сбегал туда. Штук семь низеньких тележек катились по

усланной железными полосами круговой дорожке. Железные метёлки скользили по железным полосам, снимая электричество. Искры, вспышки, скрежет.

На лицах людей, втиснувшихся в тележки, с азартом крутящих рули — блаженство. Очень молоденькая девушка, раскрашенная так, что кажется, будто глаза обведены жирной чёрной каймой, от удовольствия открыла рот. Грузный пожилой мужчина побагровел. Парень с длинными, падающими на плечи волосами машет и машет рукой. На пальце этой руки блестит перстень.

Долго глядел на них Андрей, а потом всё-таки снова бросился к своей светящейся саванне.

И НАКОНЕЦ, РУЛЕТКА

Быстров с Краковяком тоже обнаружили явное пристрастие к одному из уголков зала. Они увлеклись аппаратом, который Андрей про себя назвал «рулеткой». Была ли это в самом деле рулетка, он не знал. Ведь он про неё лишь читал. А в романах устройство не описывалось. Там только каждый раз упоминался какой-то шарик, что бегаёт, мечется по какому-то полю и приносит человеку груды золота или разорение.

Здесь тоже имелся шарик, и он тоже метался по наклонному, покрытому светящимися цифрами, светящимися иностранными надписями, светящимися кнопками полю. Оно было ярким, это поле, — в картинках, как иностранная консервная банка. И всё время звенели звоночки, всё время выскакивали всё новые и новые цифры, будто на счётчике такси.

Сколько Андрей ни старался, он ничего не мог понять в этой штуковине. Но она и на него действовала — взгляд, которым он следил за выскакивающими цифрами, становился беспокойным и алчным. А уж Быстров и Краковяк от неё просто не отходили. Они стояли и стояли около аппарата, пока играли другие, а когда подходила

их очередь, сперва один, а потом другой широко раскидывали руки (клали их на нужные рычажки с боков поля) и застывали в неподвижности. Лица их каменели, глаза высветливались, теряли всякое выражение. Они священнодействовали.

И не было тут никакой награды, никакой надежды. Совсем-совсем никакого приза не было. Не полагалось ни выигрыша, ни проигрыша. Бросаешь в щель автомата двадцать копеек, запускаешь шарик и смотришь, как мечется он, позванивая в звоночки, как выскакивают на табло очки. Очки просто так, ни для чего. Очки сами по себе и сами для себя.

Двадцать копеек, ещё двадцать копеек, и ещё двадцать копеек, и ещё, и ещё бросали и бросали в щёлку Краковяк и Быстров.

Толстая женщина в большой тяжёлой шубе остановилась возле аппарата. Был черёд Краковяка.

— Мальчик, что это такое? — спросила она его и не получила ответа.

— Мальчик, скажи, какие тут правила?

Краковяк даже бровью не повёл. Ни малейшего признака, что он что-то слышал.

— Мальчик, я тебя спрашиваю! — закричала женщина.

Краковяк померщился и, сделав досадливое движение рукой, достал из кармана новые двадцать копеек, бросил их в автомат.

— Мальчик! — закричала женщина изо всех сил.

Ни Краковяк, ни стоявший тут же и так же пристально смотревший на шарик Быстров не повернули головы.

ПРИХОДИТСЯ УСТУПАТЬ

Они играли до тех пор, пока их не отодвинули в сторону и не заняли их место четверо шестнадцатилетних парней. Все в длинных падающих на плечи волосах, все в перстнях с печатками, все в пёстрых шарфах и без головных уборов.

Отодвинувшие их парни и сами застыли в неподвижности у автомата. И лица их были такие же каменные, как у Быстрова и Краковяка. И тот, кто вёл игру, так же широко и шикарно раскидывал руки в стороны.

У КАЖДОГО ПО ЛОЖКЕ

Теперь всё время целыми днями и даже ночью Андрей был неестественно возбуждён. Во сне у него под веками начинали бегать глаза. Бегали и бегали, никак не могли остановиться. Утром он вскакивал с постели и сразу же принимался спешить. Мелочко, как-то нелепо суетился. Хватался то за одно, то за другое. Высидеть пять-шесть уроков в школе для него стало мукой. Он всё время вертелся.

После школы он торопливо ел, торопливо делал уроки (или не делал их) и бежал в условленное место...

Быстров и Краковяк часто брали Андрея с собой. Почти во все свои походы. Когда сами лакомились, его кормили тоже. Даже тортами. Торты разедали на приглянувшихся тихих, тёплых и полутёмных лестницах. Ели ложками. На этот случай у каждого из них (теперь и у Андрея) всегда была с собой большая алюминиевая ложка.

Так с ложками во внутренних карманах пальто толкалась эта троица на вокзалах, шаталась по вечерним улицам, заглядывая в окна первых этажей, пробиралась в спортивные клубы и смотрела там подряд все соревнования, а то и просто тренировки по боксу, волейболу, баскетболу, штанге.

Никогда раньше не думал Андрей, что город такой большой, такой разный. Но никогда не думал он и о том, что может поступать так, как поступал теперь.

НУЖНЫ СОРОК ТРИ КОПЕЙКИ

Не хватало сорока трёх копеек. Они уже посмотрели выводку собачьего молодняка и теперь реши-

ли засесть в кафе-мороженом. Но сто граммов крем-брюле стоит девятнадцать копеек. Если каждому взять хотя бы по двести, то на круг получится рубль четырнадцать. К тому же Краковяк непременно хотел, чтобы было с сиропом — это ещё гривенник. Да по стакану вишневого сока на троих — шестьдесят.

— Надо посмотреть, — сказал Быстров.

На противоположной стороне улицы у газетного киоска стоял длинный, нелепый тип. Лет так на четырнадцать-пятнадцать. Старше их.

Немного поколебавшись, раздумчиво, не очень уверенно перешли улицу. Прошли мимо. По очереди заглянули в лицо. Глаза у того были тихие, моргающие.

— Порядок, — сказал Быстров, и они вернулись.

Длинный продолжал рассматривать марки, выставленные в киоске. Точным движением Краковяк схватил его за руку выше кисти и резко эту руку вывернул. Быстров изо всех сил толкнул грудью, длинного шатнуло в сторону, за киоск. Через мгновение все четверо уже стояли в этом углу, образованном глухой стороной киоска и стеной дома. Краковяк продолжал крепко держать вывернутую руку парня. И Андрей вдруг увидел, что там, между пальцами, зажат бумажный рубль.

Быстров попытался разжать эти пальцы, выломать их. Он даже немного покряхтел от натуги, но ничего не получилось.

Попробовал то же самое сделать свободной рукой Краковяк — безрезультатно.

— Бритву нужно, — сказал Краковяк.

Быстров стал рыться в своих карманах. Краковяк одной рукой — в своих.

Нелепый длинный парень смотрел куда-то вдаль, поверх их голов. Он очень побледнел. Губы кривились в жалкой улыбке. Но, кстати, у него-то тоже была свободной одна рука. Однако он даже и не пытался пустить её в ход. Она безвольно болталась вдоль его длинного тела.

— Ведь хотел же, хотел я сегодня «Балтику» взять, так нет же, забыл, — сокрушался Краковяк.

— Дай-ка я ещё попробую, — предложил Быстров и снова принялся ломать пальцы.

Возились долго. Андрею показалось, что время остановилось. Всё то же сечение его теперешних друзей. Всё то же жалкое, бледное лицо жертвы.

И вдруг Андрей, до сих пор ещё ни разу непосредственно не участвовавший в деле, оттолкнул Быстрова и сбоку зубами впился в тощую длинную руку, сжимавшую рубль. Впился в том месте, где обыкновенно щупают пульс, где перекатываются, бьются, набухают всякие жилки. Он мычал и грыз, грыз, грыз эти жилы, изо всех сил работая челюстями.

СМОТРИТЕ В ЗЕРКАЛО

Потом Андрею было плохо. Ему было отвратительно. Он хотел забить и не мог. Хотел убежать от себя. Бегал по вечерним улицам. Но куда от себя убежишь?

Когда он вернулся домой, ему непреодолимо захотелось посмотреть на себя в зеркало. Он подошёл к большому, круглому, что висело в прихожей. Наклонился к нему. И увидел то самое, что поразило его когда-то в лицах Быстрова и Краковяка. Что было так непонятно и вместе с тем так отчётливо, что отличало их от других людей. Теперь у него было такое же лицо.

АНТАРКТИДА

СОБАКИ

Я возвращался с аэродрома вместе с лётчиками. Вездеход нещадно мотало из стороны в сторону. Громко лязгали гусеницы. Сердито завывал мотор на подъёмах. Уставшие после многочасового полёта лётчики молчали. На коленях одного из них лежал белый щенок с рыжей отметиной во лбу. Всякий раз, когда вездеход подбрасывало на снежных застругах, щенок трусливо поёживался, сжимался в комочек и жалобно скулил.

— Как его зовут? — спросил я.

Лётчик пожал плечами.

— Не знаю... Нам позавчера его австралийцы подарили.

— Была вынужденная посадка на станции Моусон, — пояснил другой лётчик.

— А зовут его Рогдай, — неожиданно проговорил чернобородый пилот, сидящий в углу, у самой кабины.

— Вам австралийцы сказали?

— Нет. Я сам решил.

— Рогдай, так Рогдай! — засмеялись лётчики.

Щенок поднял крупную голову, наострил уши, потом широко зевнул и завилял хвостом. Лётчики оживились.

— Признал имя!

Рогдай — первая собака, с которой я встретился на шестом континенте. Лётчики подарили его зимовщикам Молодёжной. Щенок вырос и превратился в крупного красивого пса. А вообще собак в Антарктиде немного. Время собачьих упряжек давным-давно отошло в прошлое. Их заменили мощные вездеходы и самолёты. Но всё-таки собаки и на полюсе помогают людям. Вот был на станции Молодёжной пёс по прозвищу Механик. Прозвали его так за необыкновенную любовь к технике. Лапы пса и морда всегда были вымазаны соляркой и машинным маслом. Зимовщики шутили, что Механик отлично разбирается во всех двигателях.

Одно лето Механик служил почтальоном. Геодезисты, отправляясь на топографическую съёмку, вместо громоздкой радиоаппаратуры брали с собой собаку. Механик носил на станцию записки, прикрепленные к ошейнику.

В истории освоения Антарктиды собаки занимают одно из самых почётных мест. Немало полярников обязано им своей жизнью.

В 1958 году в японском городе Осака на деньги, собранные жителями города и японскими полярниками, был установлен памятник собакам, погибшим в Антарктиде.

ГОЛОС СНЕГА

Непогода задержала меня на станции Ленинградской. Ураган сорвал с ледовых якорей «Обь» и унёс её вместе с айсбергами и льдинами миль за тридцать от берега, к островам Полярной авиации. Почти двое суток куролесила белая мгла, неистовая и клокочущая, словно обезумевшая ведьма.

Когда ветер стих, над угомонившимися снегами загорелись звёзды. Были они синими и прозрачными, как ёлочные лампочки. Великое безмолвие обволакивало станцию, берег, вершины близких и далёких гор, ледяной барьер, море, всхолмленное торосами, и айсберги на горизонте.

Была глубокая ночь, но спать никому не хотелось.

— Давайте картину закрутим,— предложил кто-то из зимовщиков.— Весёлую какую-нибудь...

Вскоре в кают-компании застрекотал кинопроектор. Кино — одно из немногих развлечений на зимовках. Запас кинолент на станциях невелик, и за год полярники просматривают каждый кинофильм раз по десять и помнят его наизусть от начала до конца. На каждой станции свой любимый кинофильм. В тот год на Ленинградской самым любимым был фильм «Берегись автомобиля» — кинолента не новая, виденная полярниками ещё на родине, но в Антарктиде все фильмы воспринимаются совсем по-другому, чем дома,— остро и необычно.

— Что-то нынче Деточкин грустноват,— заметил кто-то из зрителей.— В прошлый раз он повеселее был.

— Да, да,— согласилось сразу несколько голосов.— Что-то грустноват...

— Видать, ему из Антарктиды уезжать не хочется,— предположил киномеханик.

— В городе забот много,— серьёзно проговорил Владимир Аркадьевич, станционный повар.

— Товарищи! — В кают-компании вспыхнул свет. У дверей в меховой куртке с откинутым капюшоном стоял врач новой зимовочной смены. Лицо его было бледно.— Ребята, кто-то зовёт на помощь! Совсем рядом со станцией! Я дважды слышал крик.

— Чертовщина! — проворчал начальник станции, потирая ладонью лоб и оглядывая притихших зимовщиков.— Все на месте... Ладно, пошли!

Наскоро одевшись, мы выскочили на крыльцо.

— Тсс,— шёпотом сказал начальник станции и поднял руку.

Издали донёсся легкий шелест и приглушённый расстоянием то ли крик, то ли вздох: «По-мо-ги-те!..»

— Голос снега,— засмеялся начальник станции и потрепал врача по плечу.— Акустическое явление, нередкое в Антарктиде и в Арктике. Это просто снег шелестит под порывом лёгкого ветерка.

— Что-то больно странно он шелестит,— заметил кто-то из зимовщиков и покачал головой.— Поехали к Безымянному!

Через полчаса мы были на полпути к Безымянному. Водитель заглушил двигатель, и мы снова слышали далёкий крик: «По-мо-ги-те!..»

На этот раз крик шёл со стороны станции, ярко освещённой электрическими огнями. Когда мы вернулись туда, все товарищи давно спали. Кричать там никто не мог.

Года через полтора после той ночи наш дизель-электроход, возвращаясь на родину, ошвартовался в тасманийском порту Хобарт. Судно навестил австралийский полярник Джон Гринхил, геофизик по специальности. Мы разговорились, и я рассказал гостю о «голосе снега».

— Странно, странно, — покачал он головой, внимательно выслушав меня. — Когда наш санно-тракторный поезд пересекал Антарктиду, иногда в тихие ночи к нам тоже доносились отдалённые голоса. Только кричали они по-английски: «Хелл!», то есть — помогите!

ПОЛЯРНЫЕ БАНИ

Отход «Оби» был назначен на завтра, и половина зимовщиков старой смены уже перебралась на судно, стоящее в нескольких милях от берега. На станции был объявлен санитарный аврал — банный день.

Баня в Антарктиде — праздник, её ждут с нетерпением. Сборы в баню — целый ритуал, выработанный поколениями полярников. Сначала надо выбрать берёзовый веник — главный банный атрибут. Потом выгладить бельё и навести утюгом стрелки на брюках, сделать влажную уборку в комнатах, выбить на снегу матрасы и одеяла, подстричься, подбрить усы и бороды. Можно также достать из чемодана белую сорочку и галстук.

Некоторые полярники — я знаю — измеряют своё пребывание в Антарктиде не днями, а банями. Они говорят: «До конца зимовки осталось всего десять бань» или: «Не скоро домой поедem. Всего двенадцать бань отзимовали». Над койкой одного из таких зимовщиков я даже видел специальный банный календарь, вычерченный цветными карандашами.

Будрецкий достал из ящика письменного стола берёзовый веник и зарылся в него лицом, как в букет цветов:

— Аромат!

— Ай да баня, ай да баня — веничек берёзовый! — пропел Анатолий Николаевич Воробьёв, начальник новой смены зимовщиков, и подошёл к окну. За окном дежурный по бане метеоролог Борис Остроглядов складывал длинные бруски снега в сани, прицепленные к вездеходу.

— Кстати, Арнольд Богданович, баню вы нам не передали, — вкрадчиво проговорил Воробьёв, подмигивая мне. — Вы же старый полярник и знаете, что баню следует передавать, так сказать, в действии! А вдруг ваша баня пару не даёт? А вдруг пар некачественный...

— Это наша-то баня? — всерьёз обиделся Будрецкий. — Да знаете ли вы, уважаемый Анатолий Николаевич, что лучшей бани нет во всей Антарктиде! У нас такой пар дают, что хоть пилой его пили, топором руби, ломом кромсай!

Вечером мы пошли в баню. По тесному предбаннику расхаживал дежурный в ярко-оранжевых плавках.

— Вам на мытьё,— строго сказал он, поглядывая на часы,— отпускается ровно сорок пять минут.

Мы разделись и прошли за дощатую перегородку. Воздух в бане был сух. Пахло деревом, палёной краской и пересохшим берёзовым листом. От раскалённых камней, сложенных в углу за металлическим барьерчиком, струился жар и, казалось, насквозь пронизывал наши тела.

— Камни разогреваются электротэном,— сказал Будрецкий, запустил черпак на длинной ручке в бак с водой и плеснул воду на раскалённые камни. Клубы пара рванулись к низкому потолку, и всё вокруг потонуло в рыхлой белизне.

— Как парок? — услышали мы голос дежурного.

— Хорош! — бодрым голосом отозвался Воробьёв, скрытый клубами пара.— Костей не ломит.

Минут через десять, ошалев от жары, весь облепленный зелёными листочками, я выскочил в предбанник. Хороши полярные бани, да уж лучше на судне помыться под душем, чем такое терпеть.

ДО СВИДАНИЯ, АНТАРКТИДА!

Все зимовщики Ленинградской стояли на кормовой палубе и глядели на тёмную вершину пика Юбилейный. Узкая каёмка зари очерчивала горизонт. Она была безупречно пряма, как линия, проведённая по линейке.

Было раннее утро, морозное, безветренное, и прохладный шар солнца катился низко надо льдом. Солнце шло с севера, поднимаясь над айсбергами. А мы уходили на север — домой.

— Прощай, Антарктида! — проговорил кто-то из зимовщиков.

— До свидания, Антарктида! — поправил Будрецкий, поднося к глазам бинокль.

По стальной обшивке дизель-электрохода нудно скрежетали льдины, бурлила за кормой вода, выплёскиваясь на лёд, гнусаво бубнил винт, вращаясь в глубине. Вслед уходящему судну глядел знакомый пингвин, изредка вскидывая крылья. И было непонятно: то ли он прощается с нами, то ли зовёт назад.

Неошутимый ветер движения лениво разворачивал алое полотнище флага на гафеле. Мимо проходили айсберги, поблёскивая в лучах восходящего солнца своими ледяными гранями. И все они почему-то казались мне очень грустными. Почему? Не знаю.

— Внимание палубной команде! — прозвучал над судном голос вахтенного штурмана, усиленный мегафоном.— Закрепить всё по-походному!

Ещё вчера с нетерпением ждал отхода судна, а сегодня мне почему-то не хотелось расставаться с Антарктидой. Говорят, кто хоть раз побывал в Антарктиде, обязательно возвращается туда. Чем околдовывает этот ледяной материк? Своей суровостью. Но разве можно околдовать человека суровостью? Учёные стремятся сюда в поисках новых открытий. Но я не учёный, а врач. Врач должен лечить больных. В Антарктиде люди почти не болеют. Что же мне здесь надо?

Я не заметил, как подошёл Будрецкий.

— Тоскуете? — спросил он, облакачиваясь о планшир.

— Что-то не по себе. Точно с близким человеком расстаюсь.

— Вернётесь,— тихонько засмеялся он и смахнул ладонью снег с планшира.— По себе знаю. Вернётесь!

Лев УСПЕНСКИЙ

Берегите друзей

Долгая жизнь подарила мне много друзей. Большинство из них — это люди. Вы, возможно, сейчас улыбнётесь: как же, мол, иначе?.. Подождите, не торопитесь с возражениями. Среди моих друзей были, например, и животные — одна лошадь, одна собака, одна корова, одна ласточка, которая, довольно долго у меня жила; белка была... И привязан я к ним был не меньше, чем к человеку.

Но есть у меня ещё друзья, которых значительно больше, — это книги. Книги — это самые настоящие, преданные друзья человека. Книги — это живые существа. Конечно, оживляют их наше воображение и труд, мысли, чувства тех, кто создал книгу.

Когда вы ещё совсем маленькие, книга рассказывает вам сказки. Потом книга становится вашим учителем. И не обязательно это учебник — любая хорошая книга учит вас чему-то; вы узнаете из неё что-то новое, чего не знали до сих пор. Проходит время, и книга становится вашим ближайшим другом, — вашим неразлучным товарищем.

Вы можете пригласить его к себе в любой момент. Сегодня — это томик стихов Пушкина, завтра — роман Вальтера Скотта, послезавтра — кто знает, что придётся вам по душе... Ясно одно: именно по душе, по сердцу, как и бывает с друзьями, без которых трудно представить свою жизнь.

Если б мне сказали, что я должен, как Робинзон Крузо, поселиться на необитаемом острове, то я попросил бы только разрешения взять с собой небольшую библиотеку из моих любимых книг. Любимых и родных.

У меня есть такие книги, к которым я испытываю прямо-таки родственные чувства, как, допустим, к своему двоюродному брату или племяннику. Нежность, теплота, прекрасные воспоминания — всё это концентрируется, сосредоточивается в книге.

На всю жизнь запомнилась мне книга, которую я читал лет шести или семи от роду. Это была «Жизнь животных» известного натуралиста Брема. Помнится, начинал её читать, доходил до рукокрылых (то есть летучих мышей), и вдруг повествование обрывалось, и на следующей странице являлся кашалот, а летучие мыши исчезали. Листаю страницы дальше — за кашалотом идут другие китообразные, всякие дюгоны и ламантины. Потом внезапно снова начинались первые страницы, всё шло-шло, доходило до летучих мышей и — трах! — появлялся всё тот же кашалот, который плыл, хитро подмигивая мне своим лукавым глазом...

Очень занимал меня тогда этот фокус. Позднее-то я узнал, что так невзначай «подшутили» надо мной в типографии: неправильно подобрали страницы. А вот помню я до сих пор эту книгу, помню многие картинки в ней; и всё это мило мне, дорого, потому что овеяно воспоминаниями детства, а детство — это такое время, которое мелькнёт, и потом его только вспоминаешь.

Лет шести я одолел уже и полное издание «Робинзона Крузо». Как бы я хотел взять опять именно эту книгу, развернуть её на знакомой странице, где рассказывается о возвращении Робинзона на остров. После долгого отсутст-

вия отшельник ступает на землю, столько лет бывшую ему приютом, знакомится с её новыми обитателями — испанцами. Всё это показано на картинке: Робинзон раскланивается, метёт шляпой по песку. Помню, помню и эту картинку, и множество других. И всё это так дорого, так неопишимо мило мне. Если б я мог, то все книги, которые у меня когда-либо были, хранил бы вечно, не выпуская из рук!

Мои юные читатели, как можно ближе, как можно теснее, как можно нежнее любите книгу, потому что — поверьте моему долговому опыту! — книга самый верный друг человека, в любую пору, на все времена.

Любовь к книге прихотлива. Бывают книги, которые только погостят на вашей полке и уходят, но всё равно память о них остаётся. Вот хорошо помню я одну такую книгу; нашёл я её когда-то на чердаке бывшей помещицкой усадьбы. Это была знаменитая «Флорина экономика», переведённая на русский язык в начале XVIII века. Там рассказывалось решительно обо всём: как копать червей для рыбалки, как сажать розы, как солить капусту, как молодым девушкам вести себя за столом — тихо и спокойно, ибо «девица тихих поступок и молчаливой беседы скоряе обрящет себе честное супружество, нежели резвая, наглая и непостоянная». Эту старинную книгу я подарил библиотеке Академии наук СССР: там она была явно нужнее.

Есть среди моих любимых книг томик Тургенева с надписью на обороте титульного листа: «Подарена

сия книга ученику Малоюрославцевкой земской школы Василию Васильеву Успенскому», иначе говоря, моему отцу. Эту книгу получил он в награду за успехи лет восьми от роду. Книга дружила с ним, а теперь дружит со мной, с моими детьми и внуками.

Почти полвека хранится у меня задачник по алгебре Шапошникова и Вальцева. Казалось бы, ну обыкновенный задачник, чего в нём особенного, чего интересного? Но я сызмальства даже к учебникам всегда питал необыкновенную нежность. Я старался не рвать, не портить их; хранил их бережно. И вот этот задачник, по которому в детстве я сам занимался, служил потом верой и правдой моему младшему сыну. Почти полвека эта книга жила, работала, действовала и нисколько не теряла своей силы!

И вот теперь, согласно решению нашего правительства, всем школьникам Советского Союза (а их стало, вероятно, в десять раз больше, чем в мои времена) учебники будут выдаваться бесплатно.

Это — огромное количество книг, это — колоссальное количество бумаги, это — громадные рощи деревьев, которые на эту бумагу идут. И нужно сделать так, чтобы каждый из этих бесплатных учебников служил как можно дольше. Пусть не полвека, как мой задачник, но, по крайней мере, три — пять лет, а может, и больше. Страна заботится о вас, ответьте ей на эту заботу — заботой о своих верных друзьях-книгах.

Берегите и храните своих друзей!

ВЕЖЛИВЫЙ СЛУЧАЙ

ФЕЛЬЕТОН

Рис. Э. Васильева

В школе № 9 случай произошёл. Совершенно случайный случай. Валерка Бубнов возле дверей застрял. То ли забыл чего, то ли вообще решил не выходить в коридор, но так или иначе, — замешкался. А Наташка Фунтикова воспользовалась этим случайным Валеркиным замешательством и первая на переменку вышла.

Следом учительница шла.

— Молодец! — сказала она Валерке.

Поначалу Валерка и сам не понял: с чего он вдруг «молодец»? Но в ту же переменку всё стало ясно. Самому Валерке, его одноклассникам, завучу Марине Вениаминовне и всей школе в целом. Оказывается, Валерка Бубнов совершил благородный поступок! Прямо в дверях! Пропустил вперёд себя девочку.

— Так должен поступать каждый! — сказала на переменке школьное радио.

Мальчишки стали на Валерку глаза гаращить. Девочки поглядывать искоса. И секретно на него пальцами показывать. Своим подружкам из других классов. Малыши со второго этажа прибежали. Хотели было «тили-тили-тесто» кричать, уже и рты разинули, но не закричали: не поняли, какую именно девочку Валерка вперёд себя пропустил?

Старшеклассники на Валерку внимание обратили.

— Ну, ты даёшь! — сказали сразу двое. Дуэтом.

— А что, — смутился Валерка, — трудно, что ли?

В класс он самым последним вернулся: выждал, пока все девочки не прошли. И мальчишки заодно. И понимаете, в какое положение человек попал? В совершенно новое для себя положение. Раньше он сломя голову летел. Всё равно куда. Разве думал он раньше о каких-то там девчонках? Да никогда! А тут пришлось думать. Дорогу им в дверях уступать. На улице здороваться. Иначе — куда деваться? Что тогда про Валерку скажут? Что подумают?

А так он, ни с того, ни с сего — герой! В стенгазете про него пишут. На родительских собраниях в пример ставят. До того дошло, что в школе даже «Неделю вежливости» объявили. До самой субботы включительно. Старшеклассники на Валерку зашипели сквозь зубы:

— Ну, Бубен, погоди!

Придёт, мол, и следующий понедельник. Тут ещё из Дома пионеров сообщение поступило. Дескать, состоится там сбор актива по вопросам вежливости. Само собой, Валерку туда первым направили. Он и пришёл первым. Выяснил, в какой

комнате заседать будут. Оказалось — в спортзале. Там уже стол для президиума стоял и много скамеек. Валерка на первую сел. Стал ждать. Другие активисты собираться начали. Изю всех школ района. Тоже места занимают.

А из Валеркиной школы не идут и не идут! Валерка по своей скамейке взад-вперёд скользит: места бережёт. А они не идут. Валерка дальше скользит. А их нету. У Валерки уже штаны тёплыми стали. От трения. Ещё немного — и дымиться начнут. А их всё нет. Тогда Валерка лёг на скамейку. Во всю длину растянулся. Всем желающим присесть из положения «лёжа» объявляет:

— Занято!

Какая-то девочка умудрилась у него в головах пристроиться, так он её ладонями спихнул. Другая в ногах села. Пришлось — ботинками... Тут как раз тётенька в красном галстуке:

— Ты что это хулиганишь?

— Я не хулиганю, — отвечает Валерка из положения «лёжа». — Я места занял. Девочкам.

— Так ты же только что девччку спихнул!

— А это не наша, — объясняет Валерка. — Это чужая какая-то...

— Встань! — говорит тётенька. — Кругом шагом марш!

Пришлось Валерке послушаться. Не мог же он со старшими спорить! Это было бы невежливо. Вышел он в коридор. Сел на подоконник. Слышит: началось собрание. Тётенька эта говорит:

— Просим пройти в президиум пионера Валерия Бубнова.

А пионер Валерий Бубнов в зале отсутствует. Какая-то неведомая сила к подоконнику его приковала. Не может пионер Валерий Бубнов в президиум идти. Не встать ему никак. Трудно ему. Что-то он в этой вежливости не до конца понял. И на собрании этом случайный он человек.

Просто полтора месяца назад подвёл его один случай...

А. ВОЛОДИН

Щ и т

ОТ НАВОДНЕНИЙ

Раньше наводнения в нашем городе всегда оказывались катастрофическими. Например, одно из них, происшедшее осенью 1824 года и описанное А. С. Пушкиным в «Медном всаднике», полностью разрушило 324 дома и повредило 3257, унесло около 570 человеческих жизней. Через сто лет — в 1924 году — наводнение разрушило много дорог и подземных трубопроводов, снесло 19 мостов, повредило более 5000 домов.

Крупные наводнения бывают в нашем городе почти каждый год. Сейчас удаётся избежать человеческих жертв, но ущерб всегда оказывается всё-таки большим.

В общем, потерь от наводнений много. И недавно принято решение — раз и навсегда защитить город от этого врага, начать строительство специального «барьера» на пути огромной волны, приходящей с залива.

Каким же он будет, этот необычный щит Ленинграда? В этой работе принимают участие более пятидесяти разных научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро. Но все данные поступают в Гидропроект — это основной, генеральный проектировщик. Зачем же понадобилось привлекать так много институтов и бюро?

— Это делалось для того, чтобы решить сотни разных вопросов, в которых мы не являемся специалистами, — рассказывает главный инженер проекта защиты Ленинграда от наводнений Сергей Степанович Агалаков. — Ведь мы хотим перегородить залив довольно высокой стеной. Вопросов много, и потребовалось провести сотни опытов в научных лабораториях, прорубить в дне

залива скважины, сделать огромную модель стены и испытать её.

Итак, каким же он будет, барьер от наводнений?

Многие из вас, ребята, знают, что есть в Финском заливе остров Котлин, на котором находится город Кронштадт. На южном берегу залива — город Ломоносов, а на северном — посёлок Горская. Линия защитной стены длиной 25 километров и пройдёт от Ломоносова через Кронштадт на острове Котлин к Горской. Она поднимется над водой на 8 метров, а ширина её верхней полосы будет 35 метров.

— Прежде всего мы подумали о судоходстве, — говорит Сергей Степанович Агалаков. — Ведь Ленинград — морской город, крупнейший порт. Ежегодно он принимает сотни судов из многих стран мира. И наш барьер не должен мешать судоходству. Для этого в участке стены между Ломоносовом и Кронштадтом будут сделаны морские ворота шириной двести метров. Это — для крупных судов. На участке же от Кронштадта до Горской будут ещё одни ворота, поменьше — сто десять метров шириной. Они — для

малых судов: «Метеоров», «Ракет», просто для лодок или яхт. Кроме того, намечено сделать в барьере десятки больших окон, чтобы вода свободно циркулировала, чтобы не нарушалась вековая система течений и привычные пути рыб. В обычное время все эти ворота и окна будут открыты. Но как только поступит тревожный сигнал — тяжёлые стальные затворы наглухо перекроют их, преградят путь циклонной волне с залива.

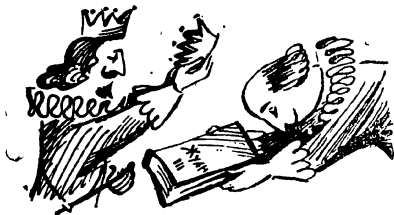
По верху, по барьеру, намечено проложить первоклассную автомобильную дорогу. Причём в двух местах для неё нужно будет построить глубокие туннели. Один из них «поднырнёт» под большие морские ворота, другой — под малые. Такого сооружения в мире нет. Строить его будут лет десять. Ведь здесь надо уложить более 20 миллионов кубометров грунта и камня, более 2 миллионов кубометров бетона и железобетона, смонтировать механизмы, общий вес которых более 40 тысяч тонн.

В этом году начинаются первые работы, связанные с созданием этого щита на Финском заливе.

САМОЕ РЕКОРДЫ В МИРЕ КНИГ **САМОЕ**

САМЫЙ большой печатный труд — это китайский словарь 1600 года. Он состоит из 5020 томов, каждый из которых содержит по 170 страниц. Иначе говоря — всего более 850 000 страниц.

САМЫЙ первый русский букварь был составлен в 1694 году московским учителем Карлионом Истоминым. Назывался он «Букварь словено-российских письмен».

САМАЯ высокая цена, когда-либо заплаченная за книгу, — королевство! «Счастливец», получившим столь необычный гонорар, был малоизвестный в наше время португальский писатель и историк XVI века Жуан де Баррум. В 1552 году он написал и посвятил португальскому королю Жуану III свой труд «Хроника императора Кларимунду». Растроганный король подарил писателю целую провинцию Мараньяо (часть Бразилии), площадью в 177 000 квадратных миль, то есть по величине почти равную Францию.

САМЫЙ старый в мире музей книги находится в Лейпциге (ГДР). Основанный в 1874 году Союзом немецких книгопечатников, он даёт представление об истории книгпечатания начиная от первых изданий до наших дней.

САМЫМ первым русским писателем-фантастом можно считать Владимира Фёдоровича Одоевского (1804—1869). Он сделал попытку заглянуть в будущее в фантастическом романе «4338-й год».

САМАЯ большая русская книга — это описание коронации Александра II. Она свыше метра в высоту и весит около полутора пудов.

САМЫМ первым писчим материалом был папирус. Его получали (с начала третьего тысячелетия до нашей эры) при переработке растущего в долине реки Нил болотистого растения, похожего на камыш. На папирусе писали в течение нескольких тысячелетий.

САМУЮ древнюю энциклопедию составил свыше 2000 лет назад римский учёный Марк Порций Катон. До наших дней это произведение не сохранилось, о нём известно лишь по сообщениям писателей тех времён.

САМАЯ большая по величине книга в мире находится в одном из музеев Нью-Йорка. Её высота — 3 метра, толщина — 1 метр, а весит она 250 центнеров. Для перелистывания страниц книги-великанши используется специальная электрическая аппаратура.

САМАЯ первая библиотека на Руси представляла собой собрание рукописных книг. Она была основана в 1037 году при Софийском соборе в Киеве князем Ярославом Мудрым.

САМОЙ древней книгой называют «Папирус Приссе». Он хранится в Парижской национальной библиотеке. Свиток этот был найден при раскопках гробницы, относящейся к 2600 году до нашей эры. Папирус представляет собою сборник изречений.

САМАЯ короткая на свете книга имеет всего две страницы, не считая обложки. Содержание её составляют всего два слова: «Война! Нет!» Книгу написал и издал на свои личные сбережения житель Белграда Исоия С. Стефанович.

САМОЕ СОБРАЛ В КОЗИЦКИИ **САМОЕ**

**СКОЛЬКО
ВЕСИТ ВОЗДУХ?**

Учёные с помощью электронно-вычислительной машины определили вес атмосферы Земли. Масса воздушной оболочки планеты установлена в 5 квадриллионов 157 триллионов тонн.

Расчёты на ЭВМ позволили не только определить общую массу атмосферы, но и масштабы её сезонных перераспределений. Оказалось, что ежегодно с января по июль из северного полушария в южное переходит 4 триллиона тонн воздуха, а во второй половине года они совершают обратный путь с муссонными ветрами тропиков.

Летом атмосфера «тяжелеет» на триллион тонн.

ВОТ ЭТО ТРУБАКА!

В парке города Пщины (Польша) часто появляется 86-летний Павел Козырь. Он располагается на одной из скамеек, чтобы выкурить трубку, длина которой... 2 метра 12 сантиметров. Это привлекает к нему толпы любителей. Они утверждают, что у Козыря самая длинная трубка в мире.

**ВОКРУГ СВЕТА
НА... МУЛЕ!**

28-летний иранец Абдолали Лолагар решил проехать всю Европу, Африку и Латинскую Америку на... муле! Отправился в путь он из города Базарган на ирано-турецкой границе, взяв с собой в трудное и рискованное путешествие лишь любимого пса.

ПЧЕЛЫ... ЛЕЧАТ

Наша страна располагает крупнейшим «стадом» пчёл. До десяти миллионов семей — четверть пчелиного населения мира — содержится на пасеках наших колхозов и совхозов.

Пчелиный улей — это самая дорогая в мире аптека. Только килограмм пчелиного яда (апитоксина) стоит десятки тысяч рублей. Это лекар-

ство прочно вошло в практику медицинских учреждений. Только в нашем городе действуют около 30 кабинетов, где больных лечат пчелиными укусами.

Разработан и новый способ заготовки ценного сырья без вреда для крылатых помощников. Применяется электроождение насекомых при помощи слабого электрического тока. Пчёлы прямо на лет-

ке улья выпускают капельки яда.

Кроме пчелиного яда широкое применение находят: пчелиное молочко, которым пчёлы откармливают матку, пчелиный «хлеб» вводится в рацион человека для улучшения состава крови, лечения кожных заболеваний. Прополис — пчелиный клей — идеальное антимикробное средство.

...в Омской лесостепи создан первый в стране заповедник для разведения... шмелей! Энтомологи всего мира обеспокоены исчезновением в природе шмеля — прекрасного опылителя растений. Хорошими урожаями клевера, например, люди обязаны именно этому мохнатому труженику. По мнению учёных, Омский шмелиный заповедник явится прообразом многих других, и они помогут сохранению насекомых-опылителей.

...в джунглях на севере острова Шри Ланка обнаружены развалины величественного каменного дворца? В его центральном зале сохранились четыре огромных трона с высеченными фигурами. находка представляет большой интерес для археологов и относится, по-видимому, к VII или VIII веку.

...три моподых французских преподавателя отправились в долгое и опасное путешествие, цель которого — отснять фильм о пустыне Сахара! Путь от Парижа до столицы Либери — Монровии они преодолеют на «джипе». В истории автомобильных путешествий европейцев через Сахару ещё не было подобных, чтобы такая малочисленная экспедиция с весьма ограниченным запасом продовольствия, воды и горючего отважилась на столь сложный маршрут.

...подземный концертный зал создан в одной из знаменитых сталактитовых пещер Аггтелека на севере Венгрии! Природа создала громадные подземные залы, удивительные по красоте и с прекрасными акустическими свойствами. Здесь проводятся концерты классической музыки.

...первая в стране «библиотека» тканей создана при Ивановской межобластной лаборатории текстильной промышленности! 17 тысяч образцов отечественного и зарубежного текстиля, наклеенного на специальные карточки, хранится на полках этой «текнетеки». Как и книги, они имеют свои номера, подробные описания. Их можно взять и ознакомиться с образцами в «читальном» зале или выписать домой.

...свыше 80 тысяч гектаров занимают в Казахстане государственные заповедники! В них сотни видов редких животных, многие из которых в других районах земного шара не встречаются. Интересна история создания Каракульского заповедника. В результате сброса дренажных вод в районе Бухарского оазиса появились озёра. Они вскоре заросли камышом. В этих спокойных местах поселились кабаны, фазаны, камышовые коты и степные красавцы — джейраны.

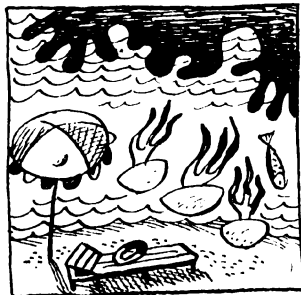
...обнаружено большое поселение фламинго, насчитывающее свыше 12 тысяч птиц! Оно находится в труднодоступных для чело-

века лагунах на туркменском побережье Каспийского моря. Новое гнездование фламинго — птиц, особенно беззащитных в условиях зимней линьки, взято под государственную охрану.

...дорожными знаками пользуются не только люди! Маленькие муравьи-крематогастеры, живущие в пустынях Казахстана, при передвижении также прибегают к дорожным знакам. Муравьи-дорожники для этого брызгают на землю капельки пахучей жидкости, которая, высыхая, темнеет и превращается в цепочку точек. Эти точки и определяют трассу движения муравьёв.

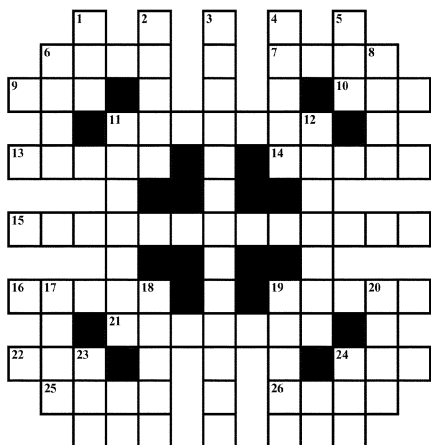
...в озере Байкал водится интересная рыба — голомянка! Тело её без чешуи, состоит в основном из жира и прозрачно, как стекло. Через него можно даже читать. Рыба небольшая, до 25 сантиметров, и весит около 50 граммов. Обитает она на больших глубинах и только ночью поднимается на поверхность озера.

...необычное явление наблюдалось на побережье Северного моря! Гигантские медузы, диаметром до метра, заполнили прибрежные воды. В одном только местечке Цандвоорт (ФРГ) около 2500 отдыхающих получили ожоги и вынуждены были обратиться за медицинской помощью. Океанологи объясняют это явление всё большим загрязнением Северного моря.

КРОССВОРД

Отдел ведёт Вадим Акентьев

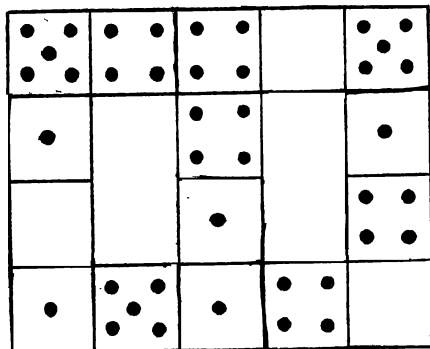
ластях РСФСР, левый приток Волги. 25. Очень ядовитый бесцветный газ раздражающего запаха. 26. Знамя.

По горизонтали. 6. Минерал белого, реже серого или жёлтого цвета. 7. Общее название верёвки в морском деле. 9. Род однодомных растений. 10. Столетие. 11. Стальной брусок прямоугольного сечения с углублённым изображением одной буквы или знака. 13. Головной убор. 14. Мужское имя. 15. Раздел гидромеханики, в котором изучаются движение несжимаемых жидкостей и взаимодействие их с твёрдыми телами. 16. Узкоплёночный фотографический аппарат. 19. Характер поверхностей на месте разлома в минералах. 21. Специалист сельского хозяйства с высшим образованием. 22. Польский писатель. 24. Река в Оренбургской и Куйбышевской об-

По вертикали. 1. Ручное оружие для метания стрел. 2. Время захода солнца за горизонт. 3. Наука, изучающая микроорганизмы. 4. Животное из класса позвоночных. 5. Ряд повторяющихся стежков, выполненных на ткани для соединения деталей изделия. 6. Французский живописец, яркий представитель художественной культуры рококо. 8. Скошенная и высушенная трава. 11. Свидетельство о рождении. 12. Вера в существование душ и духов. 17. Рыба семейства карповых. 18. Лицо, действующее по поручению кого-либо, уполномоченный. 19. Советский физик. 20. Повреждение кожи, слизистой оболочки, в результате воздействия высоких температур. 23. Научно-техническое издательство. 24. Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами.

ДОМИНО

Из каких косточек одного набора домино сложена эта фигура?

ПОСЛОВИЦА

Посевная. Размер. Рондо. Подорожник. Полотно. Горизонт. Недра. Наждак. Футляр.

Выберите из каждого приведённого выше слова по две смежные буквы с таким расчётом, чтобы из выбранных букв сложилась русская пословица.

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 2)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Гипс. 6. Берн. 8. Прессовка. 9. Гантель. 11. Корабль. 13. Марийцы. 14. Калитка. 15. Вид. 16. Бор. 21. Дирижер. 22. Галоген. 23. Баженов. 24. Палитра. 27. Клиницист. 28. Яшма. 29. Охта.

По вертикали. 1. Гонг. 2. Спутник. 3. Жерлица. 4. Оса. 5. Автомат. 6. Баталия. 7. Нуль. 10. Аналитика. 12. Лактометр. 17. Цигейка. 18. Бегония. 19. Парафин. 20. Монисто. 23. «Буря». 25. Арфа. 26. Миф.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

Гора, река. Горе, рака.

ОКТАБРЬ

Подвойский. Урицкий. Пятницкий. Яковлева. Дыбенко. Свердлов. Подбельский.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

Волхов.

Содержание

Ручейк. Стихотворение Николая Красильникова	1
Из Выскатки в Выскатку. Очерк Лидии Потаповой	2
Отец. Стихотворение А. Матюнина	5
Голубая улица. Очерк Василия Островского	6
Саня Дырочкин — человек семейный. Продолжение повести Семёна Лискина	14
Улыбка матери. Стихотворение Дианы Уклеба	22
«Соседи по планете». Разрешите познакомиться. Очерк Юрия Дмитриева	23
Пыль. Стихотворение Григория Кружкова	33
Обида. Рассказ Василия Кожуховского	34
Освобождение! (К рисункам на 3-й странице обложки)	39
Охалка сена. Рассказ Виталия Костылёва	40
Новое платье. Стихотворение А. Крестинского	42
Липо. Рассказ Э. Лиска	43
Антарктида. Очерк А. Семёнова-Спасского	51
«Страна Читалия». Берегите друзей. Очерк Льва Успенского	55
Вежливый случай. Фельетон Вольта Суслова	57
Щит от наводнений. Репортаж А. Володина	58
Самое-самое	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок Л. Коломейцевой «Чудо-дерево».

На 2-й странице обложки «Юная артистка цирка Елена Москаленко, завоевавшая приз «Оскар». Фото О. Миронца.

На 3-й странице обложки рисунок П. Вискова «Народу-освободителю».

На 4-й странице обложки рисунок Г. Моисеевой «Весенние заботы».

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель В. В. ГУСАРОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДАКЦИЯ: А. Е. Власов, Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. Н. Курбатов, А. М. Млодик, В. Н. Суслов.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 19.01. 1978 г. Подписано к печати 6.03. 1978 г. 4 п. л. М-26744. Зак. № 521. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57.

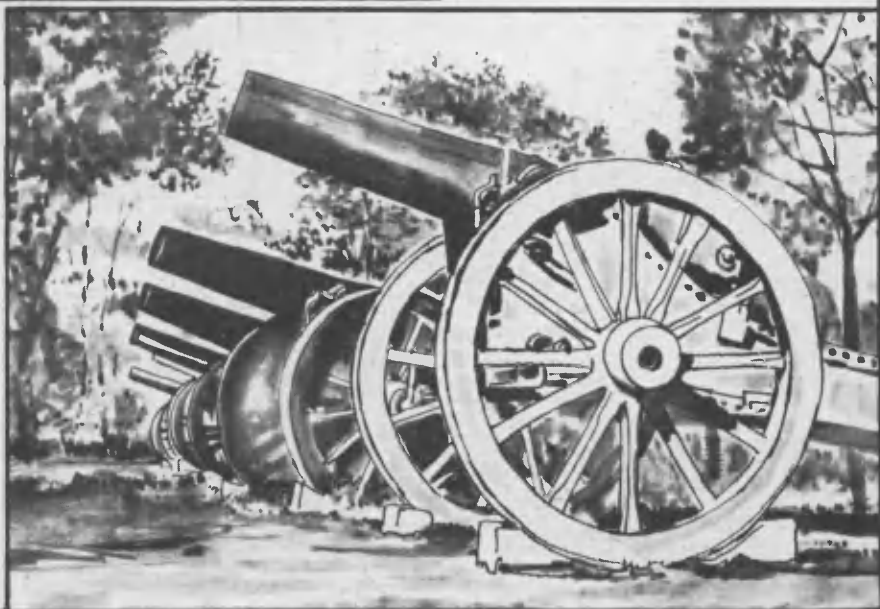

ДРУЖБА НАВЕКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК-МУЗЕЙ „ШИПКА-БУЗЛЫДЖИК“ —
ПАМЯТНИК СВОБОДЕ НА ВЕРШИНЕ СТОЛЕТОВА

СОФИЯ. ПАМЯТНИК РУССКИМ МЕДИЦИНСКИМ
ЧИНАМ, ПОГИБШИМ ВО ВРЕМЯ
ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ
ВОЙНЫ С 1877—1878 г.

ПЛЕВЕН.
ПАРК
СКОВЕЛЕВА
— БАТАРЕЯ
С 24-ФУНТОВЫМИ
РУССКИМИ
ПУШКАМИ

